

Ольга Громыко

ГОД КРЫСЫ.
ВИДУНЬЯ

Год Крысы

Ольга Громыко

Год Крысы. Видунья

«Автор»

2009

Громыко О. Н.

Год Крысы. Видунья / О. Н. Громыко — «Автор», 2009 — (Год Крысы)

ISBN 978-5-9922-0389-9

Кто-то мечтает о власти и славе, кто-то — о богатстве и роскоши, а кто-то о тихом семейном счастье. Судьба человеческая ветвится на тысячи дорог, и только Пресветлая Богиня знает, куда они ведут. Хватит ли юной путнице удачи, чтобы сделать правильный выбор? (Да и есть ли он на самом деле?) Ведь чтобы одни мечты сбылись, другими иногда приходится пожертвовать...

ISBN 978-5-9922-0389-9

© Громыко О. Н., 2009

© Автор, 2009

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	19
Глава 3	26
Глава 4	34
Глава 5	42
Глава 6	47
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Ольга Громыко

Год крысы. Видунья

Автор выражает глубокую признательность своему бессменному корректору Анне Полянской, чудесной художнице Елене Беспаловой, а также ветеринарам Екатерине и Игорю Журавлевым, которые авторитетно подтвердили: коровы таки скачут.

Взяла Богиня Хольга горсть земли и сотворила из нее зверей, опустила ладонь в воду – и сотворила рыб, дунула на воздух – и сотворила птиц...

Поглядел на это Саший, хмыкнул, зачерпнул клоч тумана и сотворил крысу.
Боготпись, глава 7

Глава 1

Крыса – мелкое, но крайне мерзкое и пакостное животное.
Трактат «О тварях земных, водных и небесных»

В конце весны дела вески стали до того плохи, что жители посовещались, скинулись и наняли путника.

Двадцать сребров.¹ На двадцать развилок. Вопросы составили заранее, споря так, что общинная изба дрожала.

– Про колодцы, про колодцы спросите! – горячился шорник, маленький щуплый мужичонка, то подпрыгивая за плечами весчан, то пытаясь втиснуться меж столпившихся вокруг стола с почерканным списком.

– Да вписали уже, уймись, – добродушно отмахнулся голова злосчастного Приболотья. – Вон, вторым сверху.

– Вы не так вписали! Надо не «где», а «стоит ли»! А уж потом, если одобрит, «где», «сколько» и «глубоко ли»!

Поправили.

Зима выдалась гадкая, бесснежная. Озимые померзли, пошли в рост так редко, будто не зерно сыпали, а картошку сажали. По весне таять было нечему, даже речка из берегов не вышла, чуток их подмыла – и все. Яровые пришлось сеять в почти сухую землю, из которой до сих пор не проклюнулось ни единого ростка. Огороды спасал только ежедневный полив, но когда ведра начали царапать днища колодцев...

– И про мою белую корову выяснить надо! – ревниво вклинился лавочник. – А то три дня уже перенашивает, вдруг неладно что?

– Подождет твоя корова, – цыкнул кузнец. – Сначала – общее дело, а потом уж ерунда всякая.

– Это моя Сметанка-то ерунда?! – взвился оскорбленный до глубины души хозяин. – А кто по осени канючил: продай да продай теленочка, хочу такую же коровку молочную?

– Нашел время вспоминать, – смутился сосед. – Тут бы курей прокормить... Потом отведишь путника в сторонку и спросишь. За отдельную плату.

– Ах так?! Шиш тебе тогда, а не телку! Нарочно на городской рынок погоню!

---

¹ Серебряная монета. – Здесь и далее примеч. авт.

– Ой-ой-ой, расхвалился щами из неубитого зайца! Может, твоя корова там давно уже копыта отбросила.

– Так, – гаркнул голова, разводя руки, а вместе с ними – готовых сцепиться спорщиков, – или говорите по делу, или выметайтесь отсюда оба!

Драчуны притихли, исподлобья кидая друг на друга неласковые взгляды.

– А если в город на заработки податься? – с надеждой предложил старший сын головы, дюжий шевутной парень, которому давно опостылело скучное весковое житье. – Сколотить шабашку, пройтись вдоль Камышовой Змеи... Может, плоты по ней погонять, в прошлом году за каждый сплав по шесть медек² платили.

Отец сердито на него зыркнул, однако вопрос добавил. Отпускать молодежь невесть куда ему очень не хотелось: нарвутся еще на каких разбойников или, распустившись без родительского присмотра, сами в них подадутся. Но если другого выбора не будет...

Наконец вопросы сочинили, утвердили и тщательно переписали набело, на всякий случай – три раза. Одну бумажку голова свернул трубочкой и зачихнул под широкий пояс, остальные раздал мельнику и кузнецу.

– При себе держите, – строго велел он. – Чтоб потом не было «на стол положил, а коза в окно голову сунула и сжевала».

Недоволен остался только молец, отказавшийся даже войти в избу (хотя мог бы подсказать что дельное, мужик-то умный!). «Выбор, – бурчал он, – ниспосылается нам Богиней во испытание, и препоручать его наемному видуну грешно!» Упрямый старикан даже запер молельню, чтобы не оскорблять животворную статую видом нечестивцев. Ничего, припасы кончатся – откроет. Своего-то огорода у него нет, да и выпить молец не дурак, особенно на халяву.

* * *

Путник приехал через три дня, ближе к обеду. Хороший, проверенный, с крысой при седле. Пока гостя с почетом принимали в избе головы, мальчишки сбежались к ездовому нетопырю: гладить бархатистую шкуру и теплые жилистые перепонки, разглядывать диковинную упряжь из шкуры зубастой водяной ящерицы, украшенную блестящими заклепками. Нетопырь стоял смирно, сгорбившись и скучающе прикрыв серебристые глаза. Крыса шипела, плевалась и яростно кусала палочку, которой ей тыкали в морду. Остальное тело твари скрывалось в длинном кожаном мешочке с тремя поперечными ремешками-стяжками, притороченном к седлу. Неизвестно, что сделал с крысой путник – то ли хребет перебил, то ли вовсе лапы отрезал, – но выбраться из оплетки она даже не пыталась, только вяло шевелила пропущенным в дырку хвостом. Ни малейшей жалости тварь не вызывала: здоровенная, бурая, вонючая, с рваными ушами и черными, яростно горящими бусинами глаз. Такие зверюги запросто таскают курят из-под наседок, портят зерно целыми мешками, наводят ужас на котов и могут даже искушать дитя в колыбели. Мальчишки уже подбивали друг друга на «слабо за хвост дернуть?!», но проходящий мимо кузнец пообещал навешать шкодникам таких люлей, что пацаны разбежались без оглядки.

Путник тем временем беседовал с головой и старейшинами вески. На «тварь бездорожья», как уверял осунувшийся, но упрямо постыющийся молец, он не походил никоим образом: крепенький толстячок-боровичок с благодушной улыбкой и хитрющими глазами. Меч с собой в избу не взял, бросил при седле. Да и кого ему тут пугать, кого бояться? Перед путником и так все на цыпочках ходят. А если б опасность почуял – вообще б в веску ехать отказался.

Начали, как водится, издалека, за накрытым столом, дав гостю заморить червячка.

---

² Медная монета.

– А что, в городе нынче тоже такое пекло? – Голова выразительно подергал за ворот рубахи, обдувая потную волосатую грудь.

– Вода две медьки кружка, – лаконично сообщил путник, глядя, как хозяйка дома наполняет его кубок вином.

– Надо же! – фальшиво удивился голова. Он был в городе всего три дня назад и предпочел сэкономить, по возвращении выдув полведра. – И покупают?

– А куда деваться... – Путник отхлебнул вина, подержал на языке, смакуя. Глотнул. – Смородина?

– Пополам с рябиной. Еще вишневое есть, отведаете?

– Не откажусь, – благодушно кивнул гость. – Ну и духотища у вас...

Мельник и лавочник наперегонки кинулись открывать окна. Грохнул опрокинутый стул.

В одном окне тут же показалось осунувшееся лицо мольца с непреклонно задранной бородашкой.

– Не дело вы задумали, истинно вам гово...

Мельник поспешно захлопнул рамы и задернул занавеску.

– Солнечная сторона, – извиняющимся тоном пояснил он. – Жарит – аж глаза слезятся.

– Дождю бы нам, – сплеча рубанул голова.

– Дождю... – Путник задумчиво уцепил котлетку за торчащую из бока косточку и начал неспешно обгрызать. – По всей стране сушь. Даже в Саврии, говорят, за весну только два дождя прошло.

– Тучки-то ходят...

– Тучки... – Гость в напряженной тишине дождался, бросил косточку на тарелку и вытер руки о край скатерти, нарочно спущенный почти до пола. – А дождя – шиш. На этой неделе точно не будет. Раз.

Голова подавил разочарованный стон, но тот многоголосым эхом прорвался за его спиной: все весчане втайне надеялись, что путник ответит на первый вопрос иначе.

Пока гость с бульканьем осушал кубок, хозяева торопливо шуршали заветными бумажками.

– Может, новых колодцев накопать? – срывающимся от волнения голосом прочитал кузнец. – В низинке, у бывшего родника...

Путник на миг остекленел взглядом, потом помотал головой:

– Не-а. Два. – И потянулся к миске с тертой репой.

– А если речку запрудить?

На этот раз путник думал дольше.

– Нет. Лучше не трогать. Три.

– Я ж говорил, что разольется и вся на болото изойдет, – не удержался, досадливо напомнил лавочник.

– Или осыповские с нижнереченскими объединятся и морды нам бить пойдут, – поддакнул сын головы. – Они грозились!

Путник равнодушно пожал плечами. Его такие мелочи не интересовали, а проверять их бесплатно он не собирался.

– А если через пару недель заново поля засадить? Взойдет или впустую потратимся?

Толстяк подавил зевок. С этой голытьбой вечно одно и то же. Надеются, жмутся, тянут до последнего... Нет, врать весчанам он не собирался – кодекс запрещает, да и дар утратить можно, бывали случаи. Но путник сразу видел: дело гиблое, какой вопрос ни задай. Пусть, впрочем, спрашивают. Глядишь, горсточка серебра и накапает.

– Впустую. Четыре. Следующий.

* * *

Солнце уже всю пекло спину, а пристойного клева Рыска так и не дождалась. То ли рыбе не нравился юго-восточный ветер, резко сменивший северного собрата, то ли погожий, без единой хмаринки денек, то ли вонючий жир, на котором пеклась наживка-лепешка (а что делать, если сала в бочке остался только один круг и его приходится беречь, неделю смазывая сковороду одним и тем же куском?). В любом случае в туюське у девочки плескалось больше воды, чем рыбы. И то какой-то мелочи: несколько верховок длиной с палец, кошке на радость, три жирненьких, уже дохлых ильника да четыре десятка карасей, самый крупный из которых умещался на ладони.

По уму пора бы сматывать удочку, но вдруг именно в этот момент к размякшему катышку на крючке примеряется огромный сом? Рыска, размечтавшись, красочно представила, как, упираясь обеими ногами, борется с упрямой рыбиной, щепоть за щепотью вытягивая ее из воды; как уже на берегу добыча обрывает леску и начинает, сердито хлеща хвостом и подсакивая, сползать по пригорочку обратно к сажалке; как Рыска валится на нее животом...

В доме на другом берегу послышался собачий лай, закрипела дверь, и на крыльцо вышла полная женщина в цветастом платье. Уперла руки в бока, бдительно осмотрелась.

Уже схваченный за жабры сом бесследно испарился. Рыска ничком вжалась в землю, хотя камыши надежно прикрывали девочку от теткиных глаз, а соломенный поплавок с такого расстояния и вовсе не заметен.

Тетка Батара терпеть не могла рыбакащих в сажалке детей, хотя сама ни удочкой, ни сетью не промышляла – только выпускала на воду гусей. Видать, просто жаба ее душила, что кто-то извлекает выгоду из ее имущества, будь это даже помойка на заднем дворе.

Между прочим, сажалку делал Рыскин дед, бревнами и глиной запрудивший текущий по овражному дну ручей – чтобы рыба велась и дети купались. Но это как-то незаметно забылось, а когда дед умер, Батара и вовсе обнаглела, присвоив ничейный пруд.

– Эй, ты! – неожиданно завопила тетка, хватая стоящую у порога хворостину и грузно сбегая по ступенькам. – Ты, ты! Думаешь, не вижу?! Вылазь, кому сказала, дрянь эдакая!

Рыска оцепенела от страха. Конечно, сама тетка ничего ей сделать не сможет – ну поорет вслед, кобеля натравит (старый, ленивый, только для виду побрешет и зубами у пяток покладает), – но, если встретит Рыскиного отца, непременно нажалуется, а тому дай только повод обчистить розгу.

Что же делать?! Узнала ее тетка или просто макушку заметила? Макушка обычная, смоляная, почти как у всей здешней ребятни. Сажалка широкая, длинная, авось тетка не станет ее обегать. В крайнем случае можно задом отползти и в соседний овраг скатиться, а уж по его дну драпануть... крапивы только там полно, да и удочку жалко...

Батара сделала еще несколько шагов и остановилась. Зевнула, хворостиной почесала себя между лопатками и, развернувшись, вразвалочку двинулась к птичнику на задворках.

«Просто так орала, на испуг хотела взять», – с облегчением поняла девочка. Тем не менее ноги-руки ощутимо дрожали, а настроение испортилось напрочь. Какая уж тут рыбалка!

Рыска села, смотала удочку и, придерживая рыбу пятерней, слила из туюска половину воды, чтобы не плескалась на ноги по дороге. Раскрошила лепешку, собираясь кинуть на прикорм, но передумала и съела сама. Да уж, не ахти, зато как раз такого размера, чтобы заглушить голод, не успев дать ощутить гадкого привкуса.

Тетка Батара шумно возилась за сараями, покрикивая на гогочущих гусей и, кажется, охаживая хворостиной лезущего под ноги поросенка. Точно, поросенка – на мужа она ругалась куда крепче, не стесняясь в выражениях и пожеланиях, а нежную животинку не дай Богиня сглазить!

Из-за угла дома, сердито шипя и хлопая крыльями, показался первый гусак. Вперевалку добежал до сажалки и так шумно в нее плюхнулся, что сонная полуденная тишина разлетелась на осколки и осыпалась в воду вместе с поднятыми птицей брызгами. Стадо из пяти гусынь и семи крупных, но еще не оперившихся гусят последовало за вожаком, мигом превратив тихий прудок в рыночное торжище.

Девочка закинула удочку на плечо, развернулась к тропке и задумалась. Проще и быстрее всего вернуться через веску, но есть риск нарваться на Батариного сынка, местного заводилу и главаря ребячьей компании, в которую Рыска, увы, не входила. Уж Илай-то безошибочно углядит отверженку сквозь любые кусты, да что там – дубы! А учитывая, что он на голову выше и вдвое сильнее...

Можно еще лесом пойти. Это вчетверо дольше, и по холмам придется карабкаться, чего по такой жарнице совсем не хочется. Ой, сегодня же путник должен приехать! Значит, все весчане собрались у головы, кто в доме, кто во дворе, и мальчишки тоже поблизости вертятся. Рыске и самой охота было поглядеть на грозного гостя, но, если Илай застукает ее с удочкой, трепки не миновать. Ясно же, что не на Камышовую Змею бегала, там нынче илу на двадцать шагов от берега. Нет, через веску сейчас точно нельзя!

Ручей тоже сильно обмелел, не понадобилось даже идти до мостика. По склону холма, начинавшемуся сразу от бережка, пришлось карабкаться чуть ли не на четвереньках, сжимая удочку в зубах. На ноги удалось встать только на тропинке, испещренной коровьими следами: другая сторона холма была пологой, и загоняемая по ней скотина привыкла пастись возле кручи. Еще выше рос еловый лес, летом Рыска бегала туда по землянику, осенью – за лисичками.

Девочка отряхнула коленки, перевела дыхание. Самое гадкая часть пути позади, теперь прямо по тропке до овражка, а потом вниз и вдоль огородов до самого дома.

– Эй, Рыска-крыска, стой!

Девочка испуганно оглянулась. По склону, пыхтя и спотыкаясь, взбирались четверо мальчишек. Окликнул ее Варик, лопоухий и чуток косоглазый сын кузнеца, ровесник Рыски. С ним одним еще можно было разойтись миром, а иногда и поиграть, – но только не в компании с Илаем и его двоюродными братьями.

– Ага, попалась, жабоглазая! – торжествующе прошипел Илай. – Что, опять из моей сажалки рыбу крадешь?

– Это моя сажалка, – чуть слышно возразила девочка, пряча руки за спину.

– Чего ты там пицшишь, воровка?

– Ее мой дед выкопал!

– Твой дед в Саврии нужники ложкой чистит, а ложку облизывает! Отдавай туесок, живо!

Рыска попятилась, беспомощно озираясь по сторонам. Не тот в туеске улов, чтобы за него цепляться, но Илаю он тоже не нужен, просто унижить ее хочет. Сначала рыбу отнимут, потом удочку, в прошлый раз вообще голышом по веске пустили...

Девочка медленно подняла туесок, вроде как собираясь протянуть Илаю, но, когда тот нетерпеливо шагнул к ней, резко выплеснула воду мальчишке в лицо:

– На!

Дружки захохотали, тыча в него пальцами: своего ли, чужого бьют – все забава. Выглядел Илай и вправду смешно: глаза вытаращены, рот раззявлен, в кудрях застряла дохлая верховка, карасик провалился за шиворот и вовсю там трепыхается, просвечивая сквозь мокрую рубашку. Да и запах у прудовой, настоящей на рыбе водички не чета колодезному.

Рыскино торжество длилось недолго.

– Бей саврянскую крысу! – взвыл Илай, первым срываясь в погоню.

Девочка развернулась и без оглядки помчалась по опоясывающей гору тропке. Тугие косички лупили по спине, как нахлестывающие вожжи. Под мальчишечьей ногой треснула отброшенная удочка, покатылся по склону туесок.

– Лови-и-и!

Подъем кончился, тропа тоже, и Рыска влетела в высокие папоротники на лесной опушке. Тут, по слухам, водились гадюки, и голопятые мальчишки не рискнули соваться в заросли, оббежали по краю. Везучая девчонка успела затеряться меж елок, но Илай уверенно повел компанию вперед: нырнуть под куст и пересидеть погоню у дуры-Крыски ни ума, ни духу не хватит. Небось побежала напрямик к дому, за мамкину юбку прятаться. А дотуда они ее еще пять раз нагнать успеют.

* * *

– Нет. Двадцать.

Повисла гнетущая, как на поминках, тишина.

– Все? – уточнил путник и, не дождавшись ответа, пожал плечами и вернулся к еде.

Все. Конец веске. Что ни делай – впустую. Засуха погубила всходы, а вскоре сожжет и траву, оставив скот без сена на зиму. Единственное, что видун одобрил, – сняться с места со всем добром и откочевать в сторону Саврии, славной дождливым летом и затяжной осенью. Но печи-то, избы с собой не унесешь, да и слухи о новой войне который год ходят. Как бы вовсе ни с чем не остаться.

Гость обсосал утиную косточку, поглядел в окно, на свернувшегося клубком нетопыря, и равнодушно обронил:

– Мелочовкой не обойдетесь. Дорогу менять надо.

Тишина сменилась покашливанием, потом шушуканьем.

– А можно ее сменить-то? – робко уточнил голова.

– Отчего ж нет? У вас тут хорошо-о-о, – зевнув, добавил гость, – болота рядом, тучи притягивают. И низина. Это в городе ворочай не ворочай – как ворот у пустого колодца. И людей там много, стопорят.

Кузнец и голова переглянулись. Первый выразительно потер щепотью: мол, спроси!

– А на скока затянет?

– Один к пятидесяти где-то... – прикинул путник, на миг обратившись к дару. – Ну, значит, пятьдесят и возьму. Не считая тех двадцати.

Снова зашушукались. Тридцать стояла дойная корова – хорошая, молочная, – а на остаток можно мешок курей купить. Даже хуторским накладно, а уж простым весчанам...

– Эй, Талкович, – голова легонько пихнул локтем лавочника, – сколько дашь?

– А чего сразу Талкович? – нахохлился тот. – Сколько другие, столько и я. Всего-то по три со двора выходит.

– Это тебе «всего-то». А Колаю даже на вопросы пришлось у меня одалживаться, хорошо если только по осени отдать сумеет. Дай хоть десять!

– Чего это я ваш дождь оплачивать должен?

– А мы, значит, на твою корову всей веской сбрасываться должны? – возмутился кузнец, чутко прислушивающийся к разговору.

– Так не сбросились же!

Корова, кстати, вчера благополучно отелилась, назло обоим спорщикам – бычком.

– Я тут тружусь в поте лица, – распалялся лавочник, – медьку к медьке коплю, а какой-то лентяй вроде вот его...

– Что?!

Голова привычно вклинился между забияками, подозревая, что они нарочно собачатся у него на виду, чтобы было кому развести без ущерба для достоинства: лавка и кузня стояли бок о бок, и если бы соседи так схлестывались при каждой встрече, то давно бы уже друг друга поубивали.

– Десять с тебя, десять с мельника и еще десять с Сурка содрать попробую. Вы ж и потеряете больше, если засуху не отведем.

Лавочник, услышав, что «обирают» не его одного, успокоился и, еще немного побурчав, полез за пазуху. Мельник вовсе не стал спорить: не будет зерна, не будет и помола. Сурок, зажиточный хуторянин, стоял в теньке под яблоней, разговаривая с Колаем. Точнее, тот что-то клянчил у богатого родича, смущенно комкая в руках шапку, а хуторянин неопределенно кривил губы.

Но только голова открыл дверь, как откуда-то сбоку выскочил молец, с неожиданной силой оттолкнул весчанина с дороги и ворвался в избу, потрясая кривой палкой.

– Опомнитесь, глупцы! – заорал он так, что из-под стрехи выпорхнули разморенные жарой ласточки. – Грешно забегать вперед по тропе судьбы, но менять ее – кощунство! Наши пути проложены Богиней еще до нашего рождения, и нельзя их менять по своему желанию!

– Почему это? – благодушно поинтересовался заскукавший было путник. – Дождик пойдет, поля зазеленеют, колбаску копченую тебе под полой понесут – чем плохо?

– Молчи, выродок! Власть твоя не от Богини Хольги, а от ее лживого мужа Сашия, недаром Владыкой Бездорожья именуемого! И как Хольга, проведая о бесчисленных злодеяниях супруга, изгнала мерзавца из своего чертога, так и вам следует гнать поганого видуна за порог, а следы его посыпать толченой горчицей!

В следующую минуту за порогом оказался сам молец.

– Простите, господин, – криво ухмыльнулся голова, на всякий случай подпирая запертую дверь спиной. – Он того, блаженный чуток... из жалости держим...

Гость снисходительно кивнул. Чего там извиняться, и так все ясно: покуда не припечет по-настоящему, и молец хорош.

– Ну что, поворачиваем?

– Да-да, вот только денежку соберу! Ирона, кликни-ка Сурка к окошку!

«Блаженный» меж тем отступаться не желал.

– Люди, не поддавайтесь искусу разовой выгоды! – голосил он, барабанил по двери ладонями. – Видун вытащит алмаз из подножия горы, но вслед за ним на наши головы сойдет лавина! Откуда мы знаем, куда приведет новая тропа? Вдруг на ней нас ждет уже не засуха, а наводнение, мор, пожар, саврянская тля?

– Хоть бы он мне крысу не испортил, – вслух подумал путник и так недобро глянул на дверь, что двое дюжих парней скорей кинулись во двор зажимать крикуну рот и оттаскивать подальше. Вежливенько, конечно, без вредительства. Путник, он уедет. А с мольцом в мире жить надобно. И самому мольцу, думается, в гробовую клеть еще не хочется – Богиня-то только души защищать горазда, с телами у нее хуже выходит.

Вопли мольца затихли. Путник встал, сладко потянулся, подвигал плечами.

– Спасибо за хлеб-соль, хозяева. Да и котлетки хороши были. Я тоже, пожалуй, выйду, подожду вас у плетня.

Без гостя дело пошло живее. Теперь уже и вслух поспорить можно, и скопом жадину застыдить. Некоторые побежали за деньгами, другие принялись клянчить в долг у того же лавочника или головы. Блестящая кучка на столе быстро росла.

Нетопырь развернул уши и плавно перетек из лежачего положения в сидячее. Протянул к хозяину короткую умную морду, беззвучно вякнул.

– Соскучилась, моя хорошая?

Путник начал крупно ломать и скармливать зверюге беззастенчиво прихваченные со стола полковриги. Нетопыриха ела с удовольствием, хоть и без жадности: весчане расстарались, насыпали яблочек вперемешку со свеклой, даже молока в ушат налили.

Путник отряхнул ладони и наконец обратил внимание на второго «помощника»:

– Ты как? Готов?

Крыса задрала морду, ощерилась. Путник ухмыльнулся в ответ:

– Ну и ладно. Кто тебя спрашивает-то.

Тварь попыталась укусить протянутую руку, но получила такой щелбан, что закатила глаза, позволив хозяину беспрепятственно отцепить чулок от седла.

Небрежно помахивая крысой, путник подошел к благоговейно ожидающей его у крыльца толпе. Подбросил на ладони врученный мешочек, заключил, что если и недоложили, то пару монет, но пересчитывать ради них лень. Потом проверит и, если что, в следующий раз напомним.

Кивнув и спрятав плату, путник резко посерьезнел. Вышел в центр двора, расprostер руки и начал медленно поворачиваться на месте, будто флюгер, ищущий ветер. Полуприкрытые глаза быстро-быстро двигались под веками, в щелках были видны только белки.

В одну сторону, потом в другую. Снова по солнцу, но на сей раз хватило полуоборота.

– Туда.

Путник открыл глаза и уверенно двинулся к хлевам и дальше, по уходящей в поля дороге. Весчане овечьим стадом семенили следом, со страхом и надеждой таращась на «вожака».

– Вот отсюда и повернем, – наконец заключил тот, остановившись в ромашковом озерце у обочины. – Э-э-э нет, так не пойдет! Ну-ка разойдитесь! Чтобы ближе ста шагов ни одного человека не было.

Толпа поспешно втянулась обратно в веску, как червяк в нору. Путник наклонился, сорвал травинку. Пожевал сочный белый кончик, сплюнул. Взял крысу обеими руками посредине туловища, поднес к лицу. Жесткая кожа оплетки не давала твари изогнуться и цапнуть мучителя, а то, что с ней собирались сделать, крысе явно было не по нутру – хвост бешено крутился, зубы щелкали.

– Не сопротивляйся, – дружески посоветовал путник. – И мне труднее, и тебе больнее.

Внешне ничего не изменилось. Не было ни громов, ни молний, да и вообще белые облачка как плыли реденько по небу, так ходу и не прибавили. По-прежнему колыхался над землей раскаленный воздух, трещали кузнечики да сватался к солнцу жаворонок. Только пронзительно запищала крыса, и словно рябь по траве пробежала, на миг позолотив колоски.

Но путник опустил руки и довольно улыбнулся.

* * *

В лесу было еще жарче, чем на опушке – там хоть ветер по полю гуляет, а тут как в закрытой печке. Рубашка на Рыске мигом взмокла, девочка жадно хватала ртом горячий, с привкусом прели, воздух.

Топот и крики приближались. Для мальчишек это была всего лишь забава, они не шибко рвали жилы, успевая и постучать палками по стволам, и поорать дразнилки. Рыска же мчалась как одуревший от страха зайчонок, не замечая ничего вокруг и держа в голове только цель: дом.

Сияние облитых солнцем крон померкло. Тень от облака, обведенная тонким золотым контуром, с легкостью обогнала девочку и заскользила дальше – по сухой иглице, цветущему черничнику, кустам, стволам...

Придорожный дуб вздрогнул. Из дупла, прошивавшего его от корней до макушки, с испуганным цоканьем выпала стайка белок, заматалась по веткам, торопливо перескакивая на соседние деревья. Старый трухлявый великан сумел пережить и зимние снегопады, и весен-

ний ураган, широкой полосой положивший лес вешкой³ левее. Но сегодня его везение кончилось.

Когда Рыска поравнялась с дубом, тот как раз начал обманчиво медленно валиться поперек тропы. Девочка, скорее почуяв, чем заметив угрозу, взвизгнула и, выставив руки, отшатнулась. Пятки вспахали пыль, Рыска больно шлепнулась на ягодицы.

Ствол ахнул о землю, брызнул корой и обломками веток. Лысый клык-сук мелькнул перед самыми глазами оцепеневшей девочки, ветер взлохматил волосы, начинил их щепками.

Но осознать, мимо какой беды пронесла ее Богиня, Рыска не успела.

– Ага, вон она!

Мальчишки гончими псами вылетели из-за поворота.

Девочка вскочила и с ужасом поняла, что до вески добежать уже не успеет. Обегать дерево некогда, перелезть долго, а в чаще, на мшистой болотине, ее догонят в два счета. Оставалось только вниз, по отвилку тропки, мимо выворотня с медвежьей берлогой и дальше, к дому Бывшего. Там мальчишки от нее отвязнутся, они полоумного старика до смерти боялись.

О том, боится ли его сама Рыска, девочка в тот момент не задумывалась.

– Эй, ты куда? – В голосе кузнеца сына послышался испуг.

Дорога к Старому Дому пользовалась еще худшей славой, чем кладбищенская. Обычно ребятня старалась поскорее проскочить сам поворот, хотя, конечно, каждый по разику да глянул, что ж это за дом такой. Когда-то в нем жила семья из семи человек, да в холерный год вся перемерла. По уму следовало бы сжечь избу, но сначала из-за заразы подходить боялись, а потом кто-то дух покойного хозяина увидеть сподобился: дескать, бродит по двору, глядит за забор и вздыхает. Не хватало еще, чтоб, дома лишившись, по всей веске бродить начал!

А потом пришел новый жилец. Ничьего разрешения спрашивать не стал, заселился, и все. Ни духи, ни зараза его не взяли, голова же у него сразу больная была: говорили, будто он прежде в путниках ходил, а потом утратил дар и свихнулся. Так весчане его Бывшим и прозвали.

Тропа почти заросла крапивой и малинником, Рыска здорово обстрекала и исцарапала ноги, пока добралась до забора. Дом и впрямь был старым. Несколько венцов ушли под землю, остальные обомшели и заплесневели. На прорехи в крыше жилец накидал камыша и веток, из-за чего дом напоминал бобровую плотину на обмелевшей речке. Хозяйства Бывший не держал, даже собака по двору не бегала. Еду покупал у весчан – видать, успел скопить денег за бытность путником, а одежду, похоже, носил ту самую, в которой пришел.

Рыска нырнула в дырку на месте трех выпавших штакетин, на четвереньках проползла бархатистыми лопухами и, не отряхнув коленей, на одном дыхании домчалась до порога дома. Развернулась – и охнула. Мальчишки рассудили, что раз эта засранка во двор забежала и на месте не померла, то с ними тоже ничего не сделается. Теперь они по очереди выбирались из лаза в заборе, боязливо осматриваясь и подначивая друг друга.

– Ну, сейчас ты у меня попляшешь, крысеныш! – Илай рванулся вперед.

Рыска вжалась спиной в дверь... и почувствовала, что та подается, уходит внутрь. Девочка взмахнула руками, теряя равновесие, неосознанно шагнула назад и с отчаянным писком падающей в ловушку мыши ввалилась в дом. Хлоп! Дверь закрылась.

Мальчишка сунулся было за Рыской, но вовремя опомнился и попятился. Дружки так и не осмелились подойти к крыльцу, а стоять на нем в одиночестве Илай тоже не пожелал.

– А вдруг он ее сожрет? – предположил сын кузнеца, от волнения кося больше обычного. Ему нравилась худенькая угрюмая девочка с желто-зелеными, чужинскими глазами, но признаваться в этом друзьям Варик боялся: засмеют, а то и затравят, как саму Рыску.

– Подавится, – неуверенно возразил Илай. Из дома не доносилось ни звука, отчего мальчишкам было еще страшнее. – Поди, подсмотри в щелку!

---

³ Мера длины, примерно 1 км.

- Не-е... – отступил к лопухам друг. – Нашел дурака.
- Струсил!
- Ты сам струсил!
- А вот и нет!

Рыска же выглянуть во двор не побоялась и, увидев, что мальчишки о чем-то спорят, решила переждать по эту сторону двери. Дом казался нежилым не только снаружи, но и внутри. Свет едва сочится в запыленные окошки, плевка на одном из них надорвана и при порывах ветра въедливо посвистывает. Углы затянуло паутиной, лавка просела на сломанную ножку, под слоем сора не понять, глинобитный пол или дощатый. В углу кровать, с горкой заваленная тряпьем, в стоящем возле нее ведре плавают кружка – странно, что не жаба.

А еще в доме так воняло крысами, будто они не просто тут жили, а сбегались гадить со всей вески. Девочка зажала нос. Она ненавидела этот запах, как и самих прожорливых голохвостых тварей. Крыса издревле считалась символом беды, неудачи, хвори. Так и говорили: крысиный урожай, крысиная погода, год Крысы – значит, паршивей некуда. «У него в хлеву только крысы плодятся», – презрительно отзывались о бедняке, и Рыске, увы, не раз пришлось убедиться в меткости этой поговорки. Бывает, выглянешь в сени за простоквашей – а на кринке сидит огромный крысак, хвост до пола свисает. Если у тебя в руках кочерги или полена нет, даже ухом не поведет, а начнешь пугать, в ладоши хлопать, может и на тебя кинуться. И в гумно ночью лучше не заходить. Откроешь дверь, а они – шу-у-усь! – и по стенам вверх побежали, только шелест идет да глазки посверкивают.

– Ры-ы-рыска! – завопили во дворе. – Рыска-крыска, вылазь из норки!

– А то мы твоему батьке расскажем, что ты в Старый Дом заходила! – мстительно добавил Илай. У девочки екнуло в боку, но потом она сообразила, что тогда мальчишкам придется сознаться, откуда они это проведали. Как же от них отвязаться? Может, тут есть другая дверь или заднее окошко открывается? Рыска на цыпочках двинулась через комнату, шепотом моля Богиню, чтобы та помогла ей выбраться отсюда до возвращения хозяина.

Но когда девочка проходила мимо кровати, доски днища заскрипели. Из тряпья высунулась тощая, в разводах вен и коричневых пятнах рука и ловко сцапала Рыску за запястье.

Девочка завизжала. Да так убедительно, что во дворе эхом отозвались и без оглядки бросились прочь мальчишки.

Хозяин был дома. И вряд ли уже сумел бы его покинуть.

Рыска часто видела Бывшего, когда тот спускался за водой к ручью или появлялся в лавке. Он молча тыкал пальцем в разложенные на полках товары, расплачивался и уходил. Иногда останавливался посреди улицы и начинал разговаривать, даже спорить, с самим собой. Весчане только однажды слышали, как он обратился к кому-то другому – путнику, в его прошлый приезд, два года назад. Впрочем, обратился – слабо сказано. С руганью кинулся к нетопырю, пытаясь не то стащить всадника на землю, не то что-то отобрать. Все думали – путник ему сейчас в лоб кулаком, а то и мечом заедет, но тот побледнел, попятил нетопыря, развернулся – и ходу. Старик поорал-поорал ему вслед, плюнул на дорогу и побрел домой, по-прежнему не обращая ни на кого внимания.

Если уж сам путник струсил, то Рыска и вовсе чуть в обморок не грохнулась. Старик заворочался под тряпьем, повернул к ней лицо. Кожа так обтягивала кости, что казалось, будто в пакле волос лежит череп – беззубый, зато с выпуклыми, широко распахнутыми глазами. В провалах зрачков клубился белый туман слепоты.

– Слышишь? – заговорщически прохрипел умирающий. – Они уже здесь. Они ждали о-о-очень долго, но любая дорога когда-нибудь заканчивается... А ты хочешь быть крыской, деточка?

– Дедушка, отпусти меня! Пожа-а-алуйста! – заскулила Рыска, пытаясь выкрутиться, но Бывший, не слушая, продолжал лихорадочно шептать:

– Один к пяти, хе-хе, он стоит у самого порога, надо только повернуть ворот... Чем раньше, тем лучше, верно, малышка? Ходить по дорогам в темноте слишком опасно, столько дурацких судеб, столько глупых смертей... Иди сюда, моя свечечка!

Старик ухватил девочку и второй рукой, потянул к себе, чуть не опрокинув на кровать. Рыска забилась, как тот сом, извиваясь и упираясь всем телом.

– Хорошая крыска, хорошая...

Девочка наконец вырвалась, оставив под ногтями у безумца несколько клочков кожи, и отпрыгнула к столу, больно ударившись о его край. Но старик больше не пытался ее хватать – лежал на спине, обратив к потолку слепые глаза, и что-то шептал ему с блаженной улыбкой.

Позади Рыски зашуршало. Громко так, выразительно, словно призывая оглянуться.

На прибитой над столом хлебнице сидели две крысы. Та, что побольше, нагло паялилась на девочку, сгорбив спину. На хребте клоками топорщилась ржавая неопрятная шерсть. Вторая умывалась, старательно вылизывая розовые лапки и натирая ими за ушами.

– Кыш, – неуверенно шепнула Рыска.

Крыса задрала морду, нюхая воздух, и девочка увидела длинные темно-желтые зубы. Верхние – как сдвоенные клинки, нижние – иглами.

– Если тебе повезет, они придут и за тобой, – внезапно повысил голос старик. – А если нет...

Крыса прыгнула. Распластавшееся в воздухе тельце стало вдвое длиннее, чуть ли не с кошку. Она метила не в девочку, пролетела мимо лица и побежала по полу дальше, к кровати. Но Рыска этого уже не узнала, с диким криком выскочив из дома.

* * *

На нетопырях седло крепилось по-хитрому: к широкому ошейнику-нагруднику, за передний край. Без подпруги, которая мешала бы зверю расправлять перепонки и планировать. Корова избавится от подобного украшения за один взбрык, но нетопыри привыкли носить на спинах детенышей и точно так же оберегали от падения всадников.

Голова услужливо придержал путнику стремя.

– Господин... – промямлил он, пряча глаза.

– А? – покосился тот, выравнивая поводья.

– Скажите, а сколько правды в том, что молец орал? Ну, про волю Богини, про лавины...

Гость благодушно рассмеялся:

– Полноте, уважаемый, бабкины сказки! Вся наша жизнь – сплошной выбор: репой грядку засеять или морковкой, на Цаньке или на Паське жениться, с левой ноги встать или с правой. Может, дождь и без меня бы пошел. Один к пятидесяти. Мы, между прочим, тоже Хольгу чтим – за то, что в безмерной мудрости своей соткала такую паутину дорог, что у каждого человека есть выбор по его силам, уму, совести... либо кошельку. Какая лавина? От силы ромашка вместо лютика взойдет или ржавый гвоздь из бревна вылетит. Который и так бы вылетел, только через неделю.

– А вдруг на нем топор висел, а внизу дитя играло? – боязливо напомнил мужик старую сказочку.

Путник пожал плечами:

– А почему вы знаете: не будет ли оно играть там как раз через неделю? Всей разницы между моим выбором и вашим – что вы тянете жребий с завязанными глазами, а я с открытыми. Камешки же перед нами рассыпаны одинаковые. Так что не переживайте, все у вас будет. И дождь, и урожай, и девки румяные. А если вдруг еще какие напасти приключатся, зовите!

Голова облегченно выдохнул и посторонился. Нетопырь тронулся с места мягко и беззвучно, как кошка, оставляя в молочно-белой пыли отпечатки трехпалых лап да изредка – прочерк хвоста.

На выезде из вески путник рассеянно потянул за левый повод, объезжая бредущую навстречу девчонку: щуплую, оборванную, растрепанную, шмыгающую носом. На дороге порванными бусами атели капли крови.

«Лавины они боятся, ишь ты, – презрительно подумал всадник. – Чем может навредить мой выбор, если свой они давно уже сделали: наплодили нищеты, а теперь плачутся, что кормить нечем...»

* * *

Рыска до того устала, что прошла мимо путника, будто мимо пня, хотя обычно ребятня разлеталась с его дороги, как пугливая воробьиная стайка. Девочка и нетопырь уже разминулись, когда что-то словно толкнуло Рыску в спину, заставив обернуться.

Крысиные глазки поблескивали как мокрые смородинки. Тварь тяжело дышала, приоткрыв пасть, в ноздрах и капельками на мешке запеклась кровь. Рыска машинально поднесла руку к носу, утерлась – вглубь стрельнула боль, на коже осталась красная влажная полоса. Откуда?! Неужели ударилась, когда в лесу упала, да в запале не почувствовала? Ох, и рубашка вся в пятнах...

Глаза заволокло мутью, в носу защипало, потекло сильнее, жиже.

– Ну, чего в землю вросла? – раздался за спиной скрипучий голос бабы Шулы. – Обходить тебя прикажешь?

Девочка торопливо посторонилась. Одной рукой старуха опиралась на палку, с трудом переставляя опухшие ноги, в другой держала полотняный мешочек. Когда Шула потряхивала им над дорогой, из дырочки в дне порошила желтая горчичная пыль. Путник уже скрылся из виду, и власть в веске опять принадлежала мольцу.

– Хорош выть-то, – ворчливо-жалостливо прикрикнула старуха на Рыску. – Какие еще твои горести: ноги ходят, спина гнется... Беги домой, отец тебя уже обыскался.

Все предыдущие напасти показались девочке милыми шуточками Богини. Рыска боялась и ненавидела обоих своих отцов. И того, который ворвался в веску под вражеским знаменем, ударом кулака свалил на землю первую встречную женщину, наскоро ею овладел и кинулся грабить дома. И того, который так и не смог простить этого черноволосой, в мать, девочке с «жабьими» саврянскими глазами. Когда через восемь лет в доме наконец-то появился второй ребенок, жизнь Рыски стала совсем невыносимой. Отец каждым взглядом, каждым жестом показывал: «Ты здесь чужая. Если б тебя не было, у нас была бы нормальная счастливая семья. А так – напоминаешь и напоминаешь о том позоре».

«А где ты тогда был? В сарае прятался?» – однажды запальчиво выкрикнула девочка, и озверевший отец отлупил ее так, что Рыска чуть не померла, две недели на печи провалялась. Мать даже не попыталась защитить дочку, подхватила на руки младенца и выскочила из избы, чтобы крики его не разбудили.

На том Рыскина семья и кончилась. С отцом она больше не разговаривала, ластиться к матери перестала, хотя раньше все надеялась, что сумеет заслужить ее любовь.

– В папашу пошла, дрянь эдакая, – ругался отец, чувствуя вину перед девочкой, но не желая признаваться в этом даже самому себе. Проще наорать и ударить. – Поганая саврянская кровь, пригрел крысенка под своей крышей...

Рыска упрямо молчала и старалась держаться подальше от дома. Но там ее вороньем поджидали мальчишки...

– Даже ребятишек послал к сажалке тебя поискать, – добавила баба, – да вы, видать, разминулись.

– Ага, – шмыгнула носом девочка. – Разминулись.

Что лучше: мчаться домой или попытаться отстирать рубашку в канаве у общинного поля? Наверное, домой – чем дольше отец будет ее искать, тем сильнее рассердится. А за рубашку так и так влетит, в грязной теплой воде кровь с нее не сойдет, только размажется.

На бегу Рыска лихорадочно гадала, что же такое страшное она натворила. Калитку за собой не закрыла и куры со двора разбежались? Нет, она через забор возле будки перелазила, так ближе. Что-то сделать забыла? Да вроде и птице зерна насыпала, и поросенку помой отнесла, а козе – сена охапку закинула. В гости никто не собирался, мать ничего не просила...

Отец встретил девочку у общинного колодца, за три избы от своего двора, что было совсем дурным знаком.

– Где ты шлялась, паршивка?!

Рыска привычно пригнулась, и ладонь лишь скользнула по макушке.

– Ой-ё, а рубашку как изгваздала!

Девочка так же молча увернулась от второго удара, не убегая, но держась на таком расстоянии, чтобы отец не мог ее больше достать. Как собака, которой и деваться некуда, и колотушек огрести не хочется.

Невысокий, кряжистый, красный от жары мужчина утер текущий по лысине пот. Облегчение в этом жесте пересиливало злость.

– Живо домой, умойся и переоденься, – отрывисто велел он, поняв, что сейчас лучше сдержат гнев, чем гоняться за этим крысенышем по веске. Забьется в какую-нибудь нору на чужих задворках, потом до темноты искать будешь.

Это что-то новенькое! Обычно отец так просто не отступался, пробовал-таки ее изловить – и порой успешно. Рыска, не сводя с него настороженного взгляда, бочком проскользнула мимо и припустила к избе. Колай вразвалку пошел следом, благодаря Богиню, что та вовремя вернула ему непослушную девчонку, и вдвойне – что скоро от нее избавит.

Избу отец строил как временку, «обживемся – новую отгрохаем, в два этажа». Пока Рыска была маленькой – верила. Потом поняла: просто хвастается, чтобы не пасть в соседских глазах совсем уж низко. И не то чтоб Колай был ленивым или там криворуким, даже наоборот: с утра до вечера то в поле, то чинит что-то, то на хуторах подрабатывает, но уж больно рисковать боялся. Предлагал ему сосед на паях болотную делянку выкупить и грибы-шатуны на продажу растить – не отважился, отказался. Сосед другого подельника нашел и сейчас даже летом в сапогах с подковками щеголяет, женку взял молоденькую. В прошлом году четверо весчан подрадились стадо скаковых коров в Саврию гнать – дорога дальняя, тяжелая, разбойников вдоль нее прорва. Звали и Колая, тот неделю думал, ходил по избе и зудел слепнем (как Рыска надеялась, что он уедет!), да так за околицу нос высунуть и не отважился. Правильно боялся: вернулись только трое, один вдобавок охромел на всю жизнь. Отец до сих пор с гордостью вспоминал, какой он верный выбор сделал, а Рыска с завистью смотрела из-за забора, как дети того, хромого, кормят цепного кобеля объедками мясного пирога. Черным же трудом в веске на новую избу не заработаешь.

После солнечного двора в доме казалось темно, как в погребе. Затхлый воздух пах кислым молоком, под потолком вяло жужжали мухи, недоумевая, куда это они попали.

– Ну наконец-то, – проворчала мать. Младенец на ее коленях тихонько вякнул, и женщина торопливо склонилась над ним, шикая и укачивая. – Где ты была?

– На рыбалке. – Рыска скорей полезла на печь, где сушилась запасная рубаха. Авось мать не успела разглядеть, во что превратилась эта.

– И как улов?

– Не клевало что-то, – растерялась девочка, остро жалея, что именно сегодня вернулась домой с пустыми руками: случилось и по сотне карасей наловить, хватало на жареное всей семье или на хорошую уху. Но обычно мать молча брала рыбу, не интересуясь, что да как. А тут сама разговор начала, и мирно так... Рыске снова захотелось разреваться, подбежать к матери, обнять ее, уткнуться в грудь и выложить и про мальчишек, и про жуткого старика, и про желтозубых крыс... Но место было уже занято другим ребенком. Нормальным, темноглазым. Желанным.

– Ну, готова? – заглянул в дверь отец.

Рыска вопросительно покосилась на мать.

– Безрукавку возьми, – сказала та. – Платок вязаный. И лапти.

– Так ведь жаренца – жуть, – удивилась девочка. – А лапти зачем?

Весковые ребятишки носились босиком от первой травы и до последней, летом обувались только хуторские, за что их презрительно обзывали «гусями». Лапчатыми, ясное дело.

– Затем, чтоб вконец меня перед братом не опозорила, – буркнул Колай, ногой подпихивая к Рыске стоящую в уголке обувку.

– А зачем мы к нему идем?

– Будешь теперь на хуторах жить. У дяди. Ему девчонка на побегушках нужна. Зачем, зачем, – запоздало вскипел отец. – Собирайся вот, а не языком мели!

Рыска молча сгребла в охапку облезлую козью безрукавку, платок и грязную рубаху. Пошла к двери.

– Доченька...

Девочка вздрогнула, оглянулась. Мать судорожно сглотнула, подыскивая слова:

– Ты того... слушайся дядю. – И снова потупилась.

– Угу, – сникнув, кивнула Рыска. Отец подпихнул ее в спину, выпроваживая за порог, и закрыл за собой дверь.

Глава 2

*Живут крысы в норах, кучах мусора, стогах, поленницах, подвалах
и на чердаках. Едят они все без разбор, даже совершенную дрянь.
Там же*

Траву скосили на рассвете. За полдня над ней знатно потрудились солнце, и теперь холмы так пряно, одуряюще пахли свежим сеном, что воздух можно было укупоривать в бутылки и продавать вместо вина. Рыска с трудом успевала за отцом. Лапти, от которых она за весну отвыкла, натирали и без того усталые ноги. Девочка даже по сторонам не смотрела, хотя в другое время дорога на хутора была бы завидным приключением для любого ребенка. И не то чтоб далеко идти, но ходили редко – как говорится, скаковые и дойные коровы в одном стаде не пасутся. Если Сурок и звал Колая в гости по праздникам, то дальше кухни не пускал: нечего грязными ногами крашенные полы топтать. А прочие весчане и вовсе появлялись там, только когда нужда припирала, денег одолжить или в батраки наняться.

Ходоки посторонились, пропуская стадо коров, которых гнали с дойки обратно на пастбище. Все как на подбор, упитанные, рослые, гладкие. Это в веске на единственную буренку чуть ли не молятся, будь она хоть хромая или одноглазая, а Сурок, разводивший скот на продажу, оставлял себе только самых лучших.

Впереди слышались голоса, глухое уханье топора, петушиное пение, а вскоре показался и забор. Он был выше и толще, чем весковий, из двух рядов кольев, прослоенных глиной с рубленой соломой. Над ним едва выступали крыши сараев да конек дома. Еще бы: весчанам только от дикого зверья защищаться надо, а хутора притягивают лихих людей, как колода с медом – голодного медведя.

Колай остановился перед воротами, смущенно кхекнул, одернул рубаху и отвесил Рыске подзатыльник, чтоб не сутулилась. В глубине двора, почуяв чужаков, зашлись лаем, зазвенели цепями сторожевые псы. Пришлось скорее стучать, чтобы не приняли за крадущихся воров.

Открыли почти сразу, но, увидев на пороге бедного хозяйского родича, батрак согнал с лица приветливую улыбку и потерял к гостям всякий интерес. Только буркнул:

– Хозяин на заднем дворе, ворон считает. – И, снова заперев ворота, поспешил к поленнице.

Изба Сурка была невысока, всего-то один этаж да чердак, как доброму человеку и положено. Это только в городе, где земля дорога, дома друг дружке на головы лезут, подставляясь молниям. А хуторское жилье и так с сараем не перепутаешь: бревна протравлены до темно-красного цвета, поверху глиняная черепица, ломтик к ломтику. Наличники и крыльцо узорчатые, на двери вырезана Хольга с выставленными вперед ладонями: мол, злу хода нет. На ступеньках валялись мелкие опилки – видать, резьбу недавно подновляли. На клумбе под окнами, огороженной затейливым плетнем из ивняка, цвело что-то пышное, розовое, с темно-зеленой листвой и колючими стеблями.

Рыска так и застыла с открытым ртом. Это ж какие после таких огромных цветов плоды должны быть? С репу, не иначе!

– Ну, чего стала? – проворочал отец, пихая ее в спину. – Успеешь еще насмотреться...

Дом оказался не только широкий, но и длинный, шагов двадцать. Такую махину зимой поди протопи, одной печкой не обойдешься! Рыска задрала голову и действительно увидела на крыше целых три трубы. Дым шел только из одной, светлый, прозрачный – видать, на углях томилось какое-то кушанье.

Задний двор был куда скромнее переднего, всего-то кусочек утоптанной земли, где можно без лишних глаз разделить кабанчика или, усевшись на врытую под стеной лавочку, распить с друзьями бутылку смородиновки, нарвав закуси прямо с огорода.

Вороны в этом году уродили: перед Сурком стояло два огромных короба, и хуторянин кропотливо пересчитывал битые тушки, перекладывая из одного в другой. Сейчас самое время на них охотиться – недавно вылетевшие из гнезда птенцы еще не успели набраться ума и растрясти детский жирок. С горохом да укропчиком... Рыска слотнула слюну. Старую ворону поди излови, она сама кого хошь съест – и крыжовник с куста подчистую обклюет, и колобок стынувший с тарелки на подоконнике утянет, да так ловко, что будто сам убежал. К тому же жесткая она, горькая. А у Сурка, по слухам, в лесу целая дялянка гнездовий, к ней специальный вороний пастух приставлен, подкармливает и глядит, не пора ли силки ставить.

Колай почтительно замер в трех шагах от двоюродного брата, чтобы, упаси Богиня, не сбить его со счета.

– ...сто сорок шесть, сто сорок семь... Эх, трех штук до ровного не хватило! – Сурок разочарованно выпрямился и наконец «заметил» родича. – А, здравствуй, Колай!

– Здравствуй и ты, Су... Викий! – Мужики обменялись рукопожатиями и тут же незаметно отерли руки о штаны: Сурок от бедняцкого духа, Колай от вороньего пера.

– А это чего, дочка твоя? – Хуторянин перевел взгляд на Рыску. Девочка нахохлилась: лицемерие взрослых ее здорово злило. Как будто сам не знает!

– Ага.

Сурок подцепил толстым пальцем Рыскин подбородок, покрутил вправо, влево. Скривился:

– Мелкая она у тебя какая-то. Сколько ей? Семь?

– Что ты, брат, – весной девять сравнялось! – показушно обиделся Колай.

Девочка сердито дернула головой, срываясь с крючка.

– Ах да, война же в прошлый год Крысы закончилась, – намеренно поддел брата хуторянин. – А будто вчера избы горели. Вот время-то летит...

Мужики вежливо помолчали, якобы скорбя по погибшим, а на деле прикидывая, как бы ловчее повести торг.

– А тучек что-то нет и нет, – начал второй заход Колай. – Я, покуда к тебе дошел, весь взопрел.

– То-то и оно, – глубокомысленно возразил Сурок. – Парит. И ласточки низко летают, видишь?

Ласточки действительно носились над самой землей – там маслянисто поблескивала навозная лужа, над которой вились мухи. Тем не менее Колай согласно покивал:

– Дай-то Богиня, пойдет. А то воды не наносишься.

– На твой-то огород и полшапки хватит, – пренебрежительно фыркнул Сурок, – а у меня видал, поля какие? Тут полоть не успеваешь, не то что поливать. Всю прислугу пришлось на грядки выгнать. Стыдно сказать, жене самой пол мести приходится!

Колай сочувственно поцокал языком. Рыска покраснела, пытаясь удержать подступающий к горлу смех. Ужас какой – пол подмести! Девочка это даже за работу не считала, знай веником махай, о своем думая. А помои, наверное, Сурок по ночам выносит, чтоб никто его позора не видел!

– Ы-ы-ы... – все-таки вырвалось сквозь зубы.

– Она что у тебя – немая? – изумился хуторянин.

– Что ты, брат! – Отец растянул губы в лстивой улыбке, незаметно щипая Рыску за бок. – Просто стесняется. А обычно щебечет весь день как птичка!

– Мне птички без надобности, – отрезал Сурок. – И так дармоедов полон дом. Эй, козьявка, ты пряхть умеешь?

– Да, – пискнула Рыска, понимая, что следующий щипок будет куда чувствительнее.

– А коров доить? Блины печь?

– Умею.

– Взять тебя, что ль, жене в помощь... – в раздумье протянул Сурок, как будто не за тем вызвал Колая по самому пеклу.

– А чего? И возьми! – оживился тот. – Хорошая девчонка, послушная! А уж работающая...

– Ну не зна-а-аю... – Сурок еще пристальней вперил в Рыску маленькие лупатые глазки, казавшиеся двумя черничинами на круглой розовой тарелке. – Я вообще-то уже привез из Вилок одного сопляка. Мальчишка, правда, и такой жук, что пороть не перепороть...

– Тю, с этими сорванцами одни хлопоты! – подхватил Колай. – Так и норовят то в лес, то на рыбалку улизнуть. То ли дело девочка: и уберет, и младенчика понянчит, и обед сготовит...

Рыска фыркнула и тут же ойкнула, схватившись за попу.

– Время уж больно тяжелое, – продолжал гнуть свое Сурок. – Сами пустыми щами перебиваемся, и те на крапиве. А тут еще один рот, и плати ему вдобавок...

– Что ты, Викий, мы же родня! – с деланным возмущением замахал руками Колай. – Какая плата? Пусть просто поживет у тебя, ума наберется.

– Да как-то оно... неудобно, – так же фальшиво возразил Сурок. – Тебе, поди, тоже лишние руки в хозяйстве не помешают.

– Сколько там пока того хозяйства! – Колай многозначительно выделил «пока» – мол, со временем разбогатею почище тебя. – А потом, глядишь, и сын подрастет...

Сурок с нажимом поскреб нос.

– Ну давай хоть долг прощу, – неохотно предложил он.

– Можно, – с плохо скрываемой радостью согласился Колай и подтолкнул Рыску к брату, пока тот не передумал.

Родичи снова на миг сплели и вытерли руки.

– Эх, и рад бы с тобой поболтать, но дела, дела... – многозначительно вздохнул Сурок.

– Мне тоже до темноты ограду починить надо, а то вечно чужие собаки забегают, цыпят давят, – заторопился Рыскин отец. – Ну и жирные у тебя нынче вороны, брат! Аж в короб не вмещаются.

– Ага, – «не заметил» намек хуторянин. – Ну, бывай здоров!

– И тебе не болеть. – Колай кинул еще один завистливый взгляд на короб, напоследок погрозил Рыске пальцем и ушел со двора.

Когда за братом закрылись ворота, Сурок высунулся за угол и повелительно гаркнул:

– Эй, Цыка! Подь сюда!

Батрак, рубивший дрова, чуть не попал себе по колену. Выругался, глубоко вогнал топор в колоду и поспешил на хозяйский зов.

– Короб – в погреб, – отрывисто велел Сурок. – Девчонку – к женке. Пусть покажет ей, чего да как.

– Ага. – Парень ухватился за плетеные ручки и с натугой поволок урожай к заднему крыльцу.

Рыска, поколебавшись, робко двинулась следом. Без отца, какого-никакого, а знакомого, у нее противно засосало в животе. Дома хоть на печь забиться можно, там и кошка ласково мурчит, и сушеными яблоками вкусно пахнет... здесь же все чужое, равнодушное и оттого еще более страшное.

Батрак коленом пнул дверь и скрылся в сенях. Чем дольше девочка ждала на пороге, тем неуютнее ей становилось. Может, надо было зайти вместе с Цыкой? Но ведь он ничего ей не сказал... Люди, работавшие во дворе, не обращали на девочку никакого внимания. Только черный петух, где-то растерявший полхвоста, с подозрительным кококаньем прохаживался

рядом, заставляя Рыску жаться к крыльцу. А в доме кто-то ругался, громко и визгливо. Не то на нее, бестолковую девчонку, не то друг на друга – чуть позже Рыска различила несколько голосов: два или три женских и редкий, огрызающийся, мужской. Потом что-то бухнуло, голоса разом смолкли, и девочка услышала приближающиеся шаги.

Женка, левая жена, которую брали сразу после рождения ребенка у правой, первой, распоряжалась слугами, сама мало чем от них отличаясь. Если жену просватывали из богатой и знатной семьи, то женками обычно становились бесприданницы, вдовы или перестарки. Порой, напротив, жену навязывали родители и положение, а женку выбирали по любви. Но Сурок даже в юности предпочитал романтике удачную сделку, и сейчас на крыльцо вышла некрасивая, жилистая, рано состарившаяся тетка в простом полотняном платье и заляпанном переднике.

– Ты, что ль, новая работница?

Девочка безмолвно кивнула.

– Пошли, – хмуро, думая о чем-то своем, велела женка. – Масло сбивать будешь.

– А это как? – растерялась Рыска. Коза-то у ее родителей была, но молока едва хватало на творог или сыр – ими да хлебом семья и кормилась. Какое там масло, сметанки бы в щи по праздникам!

– Сейчас узнаешь. – Тетка провела девочку через просторные сени, заставленные разнообразными мешками, бочками, кадушками, и, велев хорошенько вытереть ноги о расстеленную у порога тряпку, впустила в кухню. Рыска боязливо огляделась – ого! Да у ее отца весь дом меньше! Печь такая, что целого теленка зажарить можно, потолок высоченный, только кочергой и достать. И пахнет тут вовсе не крапивными щами, а маковыми рогульками, вон стыннут на столе под тонким полотенцем. Девочка сглотнула набежавшую слюну и отвернулась, тем более что потчевать ее никто не собирался.

Работа оказалась тяжелой, но несложной. Маслобойку – подвешенный к потолку ящик, похожий на детский гробик, – полагалось раскачивать за веревку, пока руки не устанут. И потом тоже. Плеск внутри постепенно сменился вязким чавканьем, потом вообще стих. Рыска сгорала от любопытства, что же там получилось, но женка сунула ей кружку с ячменем и отправила кормить птицу. Тут девочка оплошала: черный петух, увидев вместо рослой птичницы какую-то малявку, нагло порхнул прямо на кружку и выбил ее из рук. Зерно желтой полосой перечеркнуло крыльцо. Сбежавшиеся куры и утки кинулись его клевать и драться за место у слишком маленькой кормушки. Вырванные перья поднялись выше стрехи, на истошный ор выскочила какая-то девица и обругала Рыску безрукой дурой. Ногами распинала птицу, расшвыряла зерно подальше, подобрала кружку и вернулась в дом. Девочка опять осталась на крыльце, глотая слезы и боясь показаться женке на глаза. Полдня не проработала, а уже провинилась!

– Куда ты там запропастилась, лентяйка? – выглянула в окно хозяйка. – Иди картошку чисти!

Рыска робко, бочком прошмыгнула в дверь, ожидая нагоняя, но женка возилась у печи, свирепо пыхающей паром, и только махнула девочке на стоящую возле помойного ведра корзину:

– Да срезай потоньше и глазки хорошенько выколупывай! А то знаю я вас...

Девица, наоравшая на Рыску, сейчас ловко крошила луковые перья, широкими взмахами сметая зеленые колечки в миску. Из-под чистенькой косынки, завязанной не под подбородком, а сзади, как у городских, выбивались рыжеватые вьющиеся прядки.

– Возьми лучше этот, он острее, – закончив, мирно сказала она, передавая девочке свой нож. – Тебя как зовут?

– Рыска. – Картошка выскользнула из пальцев и булькнула в теплую мутную воду. Рыска с отчаянием уставилась на расходящиеся круги.

– А я Фесся. – Служанка заговорщически подмигнула девочке. – Ничего, привыкнешь! У меня тоже поначалу все из рук валилось.

На душе у Рыски немножко потеплело. Оглянувшись на хозяйку, она тайком выловила утопленницу, обтерла о подол и кинула в горшок с чистой водой. Дальше дело пошло ловчее и быстрее, даже женка не нашла, к чему придаться.

Время до ужина пролетело почти незаметно. За стол сели уже в потемках, когда хозяева поели и улеглись спать; Рыска так и не увидела ни правую жену Сурка, ни детей. Полы они сами метут, ага... Помимо Фесси в доме прислуживали еще двое батраков: дедок, которого звали по всякой мелочи – ножи заточить, курицу зарезать, черенок у ухвата починить, и Цыка, бравший на себя более тяжелую работу. А на вывешенную над порогом лампу к дому стекло столько народу, что у Рыски даже пальцев не хватило сосчитать. Батраки поочередно смывали у припорожной колоды замешенную на поте грязь, плещась и фыркая как быки. Потом степенно заходили на кухню, придирчиво выискивали в прибитом к стене коробе свою, лично вырезанную из дерева, ложку и подсаживались к столу. Просторная кухня мигом стала тесной и душной, хотя дверь уже не закрывали.

Усталые люди вначале ели молча, наперебой черпая из горшка тушеный с салом горох и запивая квасом, но постепенно отошли, заговорили, стали отпускать шуточки, по большей части непонятные Рыске, но безумно смешные для всех остальных. Девочка забилась в уголок, жуя подгоревшую, негодящую для хозяев рогульку, но самой Рыске она казалась праздничным угощением. Пожалуй, и тут жить можно, заключила она.

– Эй, Жар! – окликнула Фесся, когда разговор стал совсем уж взрослым. – Проводи-ка свою соседку на чердак, детям спать пора.

– Чего она, сама не найдет? – проворчал мальчишка, но с лавки поднялся.

Днем Рыска его не видела, а за ужином не обратила внимания. Пришлось разглядывать теперь, и ничего хорошего девочка не увидела: выше и старше ее на пару лет, на Илая похож – такой же худой и нахальный, с волосами цвета куньей шерсти. Наверняка драться будет, с тоской решила Рыска.

– А ты у нас давно усы брить стал? – лукаво напомнила служанка.

– Тю, я и без усов поумней некоторых буду! – бесшабашно заявил Жар.

– Бреешь, малявка, – прогудел рослый чернобородый мужчина с самой большой ложкой (но упрекнуть его в этом вряд ли бы кто посмел!). – Взрослый, предложи ему девку на сенник отвести, зайцем бы поскакал!

Батраки опять неведомо чему рассмеялись. Мальчишка насупился еще больше и, нехотя махнув Рыске, побрел к двери.

Лаз на чердак был из сеней – черная дыра в потолке, в которую упиралась рогам старая лестница.

– Нам что, туда?! – Девочка с тоской поглядела через плечо, на тусклую полосу света, сужающуюся под скрип петель. Хлоп – исчезла и она.

– Ну, чего застряла? – уже сверху окликнул Жар. – Боишься?

Рыска боялась, да еще как, но стиснула зубы и молча направила первую ступеньку. Лестница вначале взбрыкивала в ответ на каждое движение, потом затихла: мальчишка придержал ее за концы.

Чердачная тьма оказалась неожиданно теплой, душной и обволакивающей – за день крыша накалилась на солнышке, как хорошо протопленная печь. Рыска перебралась через высокий порог, и под ногами что-то зашуршало, начало трескаться, проседать.

– По фасоли не топчись, – запоздало предупредил Жар. Девочка, испуганно присевшая на корточки, пощупала рукой – точно, прошлогодние плети с жесткими царапучими стручками. То ли осенью лущить поленились, так сюда и забросили, то ли просто о них позабыли.

– А куда дальше? – жалобно спросила она.

– Окошко видишь?
– Угу...
– Твой тюфяк слева, мой справа. И покуда до сломанной прялки не доберешься, не вставай!

– Почему?
– Утром поймешь. – Жар резво пополз на едва светящееся пятнышко, стуча коленями по досками.

Где там прялка, Рыска понятия не имела и отважилась выпрямиться только у самого окошка – простой отдушины на месте выпиленного куска бревна. Она выходила на огороды позади дома, как раз под ней Сурок давеча беседовал с Колаем. Девочка прильнула к дырке лицом, но прохлады не дождалась: от леса напозвала огромная туча, одну за другой сглатывая звезды. Неподвижный, густой и липкий воздух горячечно пах грозой. Несколько минут Рыска заворуженно наблюдала за ее приближением, потом девочке внезапно стало жутковато – туча показалась ей огромным хищным зверем: а ну как учует, увидит, запустит в окошко когтистую лапу молнии?

Рыска отпрянула и снова присела. Тюфяк и войлочное покрывало кучей лежали в углу, подушку девочка не нащарила. Улеглась так, подложив руку под голову. Глаза потихоньку привыкали к темноте, и внутренность чердака проявлялась, будто нарисованная пальцем в пепле. Как и внизу, тут были «хозяйская» и «хозяйственная» части, разгороженные глухой стеной, с отдельными входами. В первой жили, вторую использовали как склад для всякой рухляди, беспорядочно сваленной на полу и густо запорошенной пылью. Со стропил давленниками свисали банные веники.

Чем дольше Рыска лежала, тем меньше ей хотелось спать. Под потолком тихонько, неровно гудело (ветер, что ли, в надломленной черепице спотыкается?), над ухом зудел комар, за окном надрывно, тревожно стрекотали кузнечики. Фасоль шелестела и пощелкивала, словно в ней кто-то копошился.

– Эй, – дрожащим голосом окликнула девочка.
– Чё? – Мальчишка тоже не спал, отозвался сразу же.
– Ты слышал?!
– А?
– Там, у лестницы... шуршит что-то!
– Девчо-о-онка, – презрительно зевнул Жар. – Ну шуршит. Мышь, наверное, лазит.
– А вдруг... крыса?!
– Может, и крыса. Не мешай спать, Фесська со вторыми петухами⁴ будит! – Мальчишка демонстративно отвернулся к стене.

Рыска и раньше побаивалась серых-хвостатых, но в незнакомом месте, да после дома Бывшего, страх перерос в тихую панику. Завернувшись в сыроватый, пахнущий псиной войлок, девочка заставила себя закрыть глаза, но стало только хуже: треск и поскребывание словно усилились, стали отчетливее. Теперь казалось, будто там возится тварь размером с куницу, а то и собаку.

– Жар!
– Ну?
– А ты давно тут живешь?
– С месяц... а чего?
– И оно каждую ночь так скребется?

---

⁴ До зари.

– Вот трусиха! – Мальчик, к счастью, вовремя сообразил, что если просто выругаться, то покоя ему не видать – еще плакать, чего доброго, начнет. – Скребется, скребется. Спи ты уже!

Рыска чуть расслабилась. Может, и сегодня обойдется? Девочка попыталась сосредоточиться на более мирных звуках: внизу, в застеленной сеном каморе, лениво переговаривались батраки, передавая по кругу бутылку с кислым слабым вином, чтобы лучше спалось. Кто-то лапал доярку, которой полагалось бы ночевать в веске, но с любимым теплее, чем дома на печке. Девушка визгливо хихикала и отбрыкивалась от слишком уж непристойных ласк.

Хлопнула дверь, батраки заворочались, загомонили: «О, Цыка пришел!» – «А мы уж думали, что ты у своей вдовушки заночевал!» – «Или не угодила?»

– Ой, люди, что я вам расскажу! – тяжело дыша, с порога начал парень. – Какая вдовушка, я до нее и не дошел!

– На кого отвлекся-то? – похабно зароготали парни.

– Дураки, – обиделся Цыка, – меня хозяин к Бывшему посылал, стегно вяленое отнести и три каравая с тмином. Он же хоть дурной-дурной, а платит получше здорового! Вошел я в избу, окликнул, гляжу – лежит на кровати, с головой в меховое одеяло укутался, дрожит мелко. Думаю – чего это он в такую жарень? Может, приболел, лихорадка его колотит? Подошел поближе – а оно как брызнет в стороны, как побежит по полу, по стенам! Не одеяло – крысы, сотни крыс! И матерые, и мелкота навроде мышей, а все туда же: обглодали дочиста, даже кровь с простыней выгрызли, только розовый костяк на кровати и остался. Бррр, теперь год сниться будет, как крысы из глазниц и реберной клетки выбегают, меж костей протискиваются... Да мимо меня, да по мне, да во двор... я туда же – и блевать за угол! Весь обед там оставил, и до сих пор от еды воротит...

Забулькало – с питьем рассказчик сохранил более нежные отношения.

– Видать, помер старик, а они на запах стянулись, – рыгнув, заключил он.

– Ужас-то какой... – с содроганием протянула доярка, нарушив потрясенное молчание слушателей. – Я б там на месте сомлела!

– А я б, наоборот, не растерялся и хорошенько обшарил развалюху, – за глаза расхлебился ее дружок. – Если Бывший до последнего не скупился, значит, еще полна была кубышечка.

– Не дотумкал, – с сожалением признал Цыка. – А сейчас поздно уже, я хозяину все рассказал. Небось сам завтра полезет, только голову с кузнецом для храбрости кликнет...

– А сейчас сбегать?

– Да ну тебя! – разозлился парень – и на себя, что дал маху, и на друга, что растравливает душу. – Сам беги.

«Храбрый» батрак еще немного поворчал, позывил, но тоже никуда не пошел. Найдешь еще те деньги или нет – неизвестно, а вот прокляты они наверняка.

Рыска сжалась в комочек и натянула покрывало до макушки.

Только она знала, что крысы не стали ждать запаха.

Глава 3

*Крысы живут стаями, сообщая собратьям о найденной пище
и ловушках.
Там же*

Дождь хлынул перед самым рассветом, и под него Рыска наконец заснула – хотя громы-хало и лупило по черепице так, что перебудило даже батраков внизу.

Зато и шелеста фасоли больше не слышно было.

Лило долго, щедро, доверху заполнив колоду для скота и все промоины на дороге. Обмелевшая река впервые за месяц дотянулась до камышей и накрыла отмель напротив вески. Жабы, неведь где прятавшиеся всю засуху, теперь важно шлепали по траве и ошметками грязи качались в лужах, побулькивая от удовольствия. Отмытые от пыли листья блестели, будто лакированные, а между ними бусинками сверкали зеленые плоды: яблочки, сливки, грушки. До чего ж вовремя дождь пошел, еще день-два – и осыпались бы от зноя!

Расторговавшись, туча встряхнула потрепанным подолом, напоследок осыпав Приболожье мелким, мгновенно растаявшим градом, и уплыла в сторону города. Судя по выцветшим, поднявшимся ввысь облачным клубам, на его долю осталась одна морось.

Ради такого праздника детей разбудили не со вторыми петухами, а с третьими.⁵

– Вставайте, лодыри! – Фесся постучала в потолок черенком метлы, как раз под тем местом, где спал Жар. Мальчишка так и сел на тюфяке, проснувшись уже потом. – Я что, сама посуду мыть буду?

– Небось не растаешь, – пробурчал Жар, но покрывало отбросил. – Эй, малая, гляди, куда прешь! Я ж тебе вчера сказал – до прялки!

Рыска перевела заспанные глаза на потолок и ойкнула. Там, едва различимое в утреннем полумраке, висело серое яблоко осиног гнезда. У обращенного вниз выхода сидела, подозрительно сжимая и разжимая брюшко, полосатая стражница. Еще несколько ползали взад-вперед по стенкам, ожидая, когда станет посветлее и можно будет лететь на промысел.

– Ты, главное, башкой его не задень и руками рядом не маши, – предупредил мальчишка. – Тогда не тронут.

– А скovyрнуть его никак нельзя? – жалобно спросила девочка. Ночью крысы, днем осы, вот попала!

– Попробуй, – вкрадчиво посоветовал Жар и быстро-быстро пополз к выходу. – Только подожди, пока я с чердака слезу!

Рыска смолчала – слишком хорошо помнила, как их соседка, баба Нюща, попыталась расправиться с осиным гнездом в стогу, вывернув его оттуда вилами. Гнездо оказалось здоровым, с тележное колесо, и взвившиеся на его защиту осы гнали бабку, позабывшую про возраст и болячки, аж до самого ровка. Брошенные под стогом вилы удалось забрать только на третий день, когда осы смирились с потерей и разлетелись лепить новые домики.

Девочке хватило бы просто пригнуться, но она тоже предпочла ползти – чем дальше от ос, тем лучше. Заодно подробно разглядела, чем завален чердак: разошедшаяся лохань, проржавевший насквозь чугунок, старая одежда, обрезки досок, перевернутая, чтобы кошки в ней не гадили, колыбелька. У дальней стены, за фасолью, стопкой лежали вязанки свекольных перцев, цветней,⁶ такие древние, что почти все семена с них осыпались и смешались с мышиным пометом. Выбрось три четверти здешнего «добра» – никто никогда не хватится.

---

⁵ На заре.

⁶ Побег с цветами/семенами.

Едва нашарив ногой вторую ступеньку, Рыска широко зевнула, споткнулась и чуть не ска-
тилась с лестницы кубарем.

– Вот неумеха! – замахнулся кулаком Жар. – Чуть на голову мне не свалилась!

Девочка показала ему язык и скорей шмыгнула в кухню, надеясь, что при взрослых маль-
чишка не посмеет ее колотить.

Батраки уже успели позавтракать и уйти, оставив на столе гору мисок, ложек и закопчен-
ный горшок.

– Молока вон с хлебом возьмите. – Фесся ожесточенно вымешивала тесто для сырников,
в печи гудело недавно разожженное пламя: когда хозяйские дети продерут глаза, угли как раз
созреют и в них можно будет поставить сковороду на длинной ручке. – И живо за работу,
мне свободный стол нужен!

Рыска, давась, скорее сгрызла свой кусок и недоуменно уставилась на Жара: тот едва
двигал челюстями, лениво прихлебывая из кружки.

– Ну куда ты спешишь? – сердито прошипел он, когда служанка зачем-то выскочила
в сени. – Не убежит твоя посуда!

– Так сказали же...

– Если делать все, что скажут, с утра до вечера спины не разогнешь!

– Ох, Жар, ремень по тебе плачет, – посетовала из-за двери Фесся. – Дождешься –
попрошу Цыку его утешить! Рыска у нас малышка послушная, старательная, а ты ее чему
учишь, а?

Девочка зарделась: она уж и забыла, когда ее в последний раз хвалили, а тем более назы-
вали малышкой. На Фессю она теперь глядела со щенячьим обожанием.

– Чему-чему... Уму! – еще тише пробубнил мальчик, но под грозным взглядом вернув-
шейся служанки затолкал в рот остаток хлеба и начал складывать миски стопкой.

В четыре руки мытье посуды пошло быстро и весело. Жар не умел ни долго злиться,
ни молчать, ни, увы, работать. Поэтому всячески изгалялся, чтобы хоть как-то разнообра-
зить эту скукоту: не отчищал горшок сплюшняком, а ногтем выцарапывал на пригоревшей
каше затейливые узоры, осторожно клал вымытую тарелку на воду в ведре для ополаскивания,
сверху блюдец, на него ставил кружку и так далее, пока вся «баржа» с бульканьем не тонула,
заливая пол водой. Фесся переступала через лужу и ругалась, но Рыска уже поняла, что злится
она не всерьез, просто для порядку. Тем более что стопка вымытой посуды уверенно росла.

А вот когда за дверью в хозяйскую половину слышались голоса, Жар сам бросил дура-
читься.

– Муха с Коровой спорят, – прислушавшись, злорадно сообщил он.

– Что?!

– Ну, женка с женой, – пояснил мальчишка. – Сейчас еще орать начнут, покуда Сурка нет.

– А где он?

– Поля с батраками пошел глядеть, хоршо ли полило. Я еще с чердака видел, как они
по междурядью пробирались.

Ссорились хозяйки по сущей ерунде, из-за полотенца: то ли жена нарочно его выпачкала,
то ли женка забыла положить на лавку чистое. Им вторили тонкие голоса детей, на которых
попеременно цыкали обе спорщицы.

– У них вечно так. – Вид у Жара был довольный, он под это дело даже три тарелки
вытер. – Как проснутся, тут же и сцепятся. Корова главнее, зато на Мухе весь дом держится,
и обе терпеть друг дружку не могут.

– А Сурок?

– Как когда. Но чаще обеим крапивы дает.

Дверь распахнулась. Дети быстро опустили глаза и принялись усердно скрести горшок,
оставленный напоследок как самый гадкий. Женка постояла на пороге, отдышалась, заправила

под платок выбившуюся волосину и принялась распоряжаться: ведро выплеснуть, пол вымыть, Фессе ставить сырники в печь, а Рыске сбегать в огород нарвать укропу.

Во дворе было непривычно свежо и сыро, с крыши еще покапывало, но утоптанная дорожка к воротам уже покрылась светлыми пятнами. Час-другой – и все просохнет. Рыска вприпрыжку – засиделась на месте, аж под коленками ноет! – обежала дом. Укроп нарочно никто не сажал, он рос самосевом, выжелтив цветами весь огород. Девочке даже заходить туда не пришлось: открыла калитку, нацелилась на ближайший стебель – и внезапно уловила краем глаза какое-то движение.

Пальцы сомкнулись мимо укропины.

На стене, вжавшись в щель между бревнами, сидела крыса. То ли вылезла из отдушины погреться на солнышке, то ли, напротив, собиралась поискать поживы на чердаке. Грязно-рыжая тварь так ловко сливалась с бревнами, что, не шевельни она хвостом, Рыска б нипочем ее не заметила.

Девочка попятилась. Горло словно стиснули изнутри, заперев крик в груди. Крыса не двигалась. Даже глядела как будто в другую сторону, – но Рыска знала, что тварь ее видит. Чувствовала на себе оценивающий, нечеловечески бесстрастный взгляд. «Ну ты меня обнаружила. И что дальше?»

Когда запыхавшаяся девочка влетела в кухню, чуть не сбив с ног переступающего порог дедка, Жар все еще возился с полом, гоня мутную воду туда-сюда – в надежде, что она протечет в щели между досками и тряпку не придется выкручивать.

– Где ж укроп-то? – непонимающе уставилась на помощницу Фесся.

Рыска растерянно разжала пустой кулак. На ладони остались глубокие лунки от ногтей. Ох, точно...

– По дороге съела, коза? – фыркнул дедок, присаживаясь на лавку.

– Там крыса, – жалко пискнула девочка, чувствуя себя полной дурой. – Я так испугалась...

– Какая еще крыса? – нахмурилась женка, разворачиваясь к девочке.

– На задней стене сидит! Большая такая, во! – Рыска торопливо отмерила ладонями солидный кус воздуха. – И сзади еще хвост!

– Лучше бы меня в огород послали, – обиженно проворчал Жар, убедившись, что лужа не собирается исчезать сама по себе.

– Чтобы ты вообще не вернулся? Нет уж! Работай у меня на виду, жулик. А ты, трусиха, марш обратно! Придумала – крыс бояться! Можно подумать, они тебя сож... – Женка осеклась. Наверное, история о Бывшем успела разлететься по всем хуторам и веске.

– Крыса – животная умная, – поддержал хозяйку дедок. – Если ее не обижать, первой нипочем не бросится. Разве что бешеная попадется или раненая. Помнится, проверял я давилки в сарае – а там темновато, да и глаза у меня уже не молодые. Вижу, возле одной тряпка какая-то лежит. Я руку протянул – а это крыса, хвост ей защемило. Ка-а-ак прыгнет мне на грудь! Хорошо, кобель рядом крутился, сбил ее на землю, жамкнул пастью – только пискнуть и успела. А пес через три дня сдох. Саший ее знает, то ли больная оказалась, то ли прокляла по-своему...

– Молчал бы лучше, старый пень! – Женка сплюнула в ладонь и вытерла ее о передник, суеверно отгоняя беду. – Намелет вечно всякой дряни, как только жернов-то не треснет!

Рыска продолжала столбом стоять посреди кухни. А если б она не заметила крысу? Нагнулась за укропом, а та ей со стены на спину?!

– Крыс у нас что-то и впрямь многовато развелось, – пожаловалась Фесся. – По утрам из свиных корыт по нескольку штук выбегает.

– Только не говори, что ты их тоже боишься, – презрительно фыркнула женка.

– Придумали тоже, – обиделась служанка. – Не боюсь, но противные же! И потом, говорят, они перед войной плодятся. Как бы не случилось чего...

– Тю, это еще не много, – с превосходством очевидца протянул дедок. – Вот после нее... Мы, помнится, с голодухи петелькой их ловили и ели. Ничего, съедобные. Если в меду пожарить, так и вовсе царское кушанье.

Фесся чуть не уронила сковороду с сырниками, белые лепешки сползли к одному краю и покривились.

– Ладно, поболтали, и хватит! – осадила всех Муха, видя, что иначе толку не будет. – Брысь за укропом! И если опять с пустыми руками вернешься, я тебя так хворостиной отделаю, что к крысам плакаться побежишь!

– Полено возьми, – посоветовал Жар, сам подавая Рыске увесистый березовый чурбачок. – И швырни в нее что есть силы!

К калитке девочка плелась на негнувшихся ногах. Но полено не пригодилось – стена опустилась. Зато в огороде было пестрым-пестро от курей, набившихся в обычно запретные уголья. Страх, что хозяйева заметят эдакое непотребство, пересилил робость, и девочка с воинственным воплем ринулась на грядки, потрясая поленом. Впечатлился даже петух, несомненный зачинщик разбоя. Шумно хлопая крыльями, он с орлиным клекотом перепорхнул через колья, а не столь летучие куры долго металась вдоль ограды, с испугу не замечая распахнутую калитку. Но в конце концов удалось вытутить и их.

Нащипав пушистых пахучих листочков, девочка напоследок боязливо оглянулась на стену. В отдушине как будто что-то шевелилось, однако хвост там, осы или колышущийся шмат паутины, было не разобрать.

На кухню Рыска опять влетела стрижом, но уже с добычей.

– Ну что? – жадно уставился на нее Жар. – Попала?

Девочка помотала головой:

– Она удрала куда-то.

– А что ж там тогда бухнуло? – удивился мальчик.

– Где?

– Да на чердаке. Я думал, это ты поленом.

Рыска снова почувствовала, как к горлу подкатывает желчно-горький комок страха. Крыса все-таки лезла вверх.

– Видать, кошка, – решила Фесся, придирчиво изучая мокрый горшок. – Вы б там пошарили, поискали гнездо. Рыжая вчера где-то окотилась, надо одного пошустрее выбрать, а остальных утопить.

– Так я пойду поищу? – обрадованно вскинулся Жар.

Служанка молча вручила ему здоровенную морковину и нож для чистки.

* * *

Рыска уже начала раскаиваться в «послушной и старательной», когда женка попробовала почти готовый суп, одобрительно кивнула и, не глядя на детей, буркнула:

– Чтоб к обеду были тут!

Мальчишка, не заставляя себя упрашивать, бросил перебирать крупу и выскочил во двор. Рыска все-таки закончила лежащее в горсти, бережно ссыпала зернышки в миску и, дождав-шись одобрительного кивка Фессии, тоже слезла с лавки.

Жара уже и след простыл. Солнце слепило глаза, трава высохла, будто и не мокла. Но цветы в палисаднике, в это время обычно поникшие, продолжали весело топорщить листочки. Хорошо полило, до кончиков корней! Надолго хватит.

Во дворе играли в «уточки» хозяйские дети, две девочки и мальчик. Старшей, Масёне, зимой исполнилось тринадцать, ее брат Пасилка и сестра Диша были ровесниками, двойняшками на год младше. Все толстые, круглолицые, в одежде из яркого городского полотна – ух и жарко им, наверное! Увидев нерешительно стоящую на крыльце Рыску, сурчата перешепнулись, захихикали, но говорить с родней – да не ровней – не желали. Из распахнутого окошка за ними приглядывала мать: черноволосая, в юности наверняка красивая, а нынче сильно располневшая тетка с тяжелым ожерельем на толстой шее. Точно – Корова! С бубенчиками.

До обеда оставалось не меньше часа. Рыску клонило в сон, но лезть на чердак в одиночку она боялась, а других укромных уголков не знала. «Сбегаю лучше в лес, – решила она, вспомнив березнячок на холме, мимо которого вел ее вчера отец. – Он маленький, как раз успею все ягодники разведать».

Лес оказался дальше, чем девочке запомнилось. От него уже виднелось ольховое болотце, на котором весчане по осени собирали сыроежки и подрешетники, а там и до родного забора прямая тропка. Рыска тяжело вздохнула, еще немножко поглазела в ту сторону и полезла ворошить земляничник на опушке. Он быстро ее утешил: местечко оказалось нехоженым, на каждом стебельке висели по три-четыре крупных спелых ягоды. Алая горка на ладони быстро росла – съесть можно и на обратной дороге, наслаждаясь каждой земляничной.

– Ты гля-а-ань! Рыска-крыска!

Девочка вздрогнула, просыпав несколько ягод.

Сегодня их было только трое, Илай и его братцы. Кузнецов сын сидел наказанный дома, да и остальным пришлось несладко: Колай, разумеется, не стал отчитываться перед соседями, что сплавил дочку на хутор, и мальчишки, бесплодно прождав ее до утра, перетрусили и отправились к голове каяться. Тот, всполошившись – о смерти Бывшего ему уже донесли, – потащил зареванных детей к Рыскиному отцу, где все и разъяснилось. Кабы не дождь, раздобывший родителей, шкодникам влетело бы еще крепче. Но садиться все равно было больно.

Расплачиваться за такой позор пришлось, разумеется, Рыске.

– Она ж теперь хуторская! – спохватился Илай. – Эй, гусыня, что ты в нашем лесу забыла? А-а-а, землянику воруеть?!

– Это не ваш лес, – обреченно прошептала девочка, даже не пытаясь встать с корточек.

– А чей – твой, что ли?

– Хуторской...

– Хуторские – за хутором! А досюда – наши! – Илай бессовестно врал, обычно дети дальше болота носу не совали, но все тамошние полянки были уже вытоптаны вдоль и поперек.

Мальчишки обступили сжавшуюся в комок Рыску. Что с ней сделать, они пока не придумали. Жаль, что наутек не кинулась, веселей бы было...

– Эй, вы чего к малой прицепились? – Теперь уже их застал врасплох чужой окрик.

– А тебе что за дело? Она твоя, что ли? – Илай настороженно уставился на незнакомого мальчишку, тоже, видать, пасшегося на здешних ягодниках: рот вымазан соком, на колене раздавленная земляничина.

– Наша, – твердо ответил Жар, – хуторская. А вот вас, весчане, сюда не звали!

– Ой, – притворился глухим Илай, – а это не тот ли сиротинушка из Вилок, которого Сурук у тетки на мешок картошки выменял? Мне папа рассказывал, что его вся веска за ограду провожать вышла: хотела убедиться, что не вернется!

Жар так благодушно ухмыльнулся, словно Илай его похвалил:

– Пусть он тебе лучше расскажет, как в войну гнилой пшеницей торговал. Глядишь, таким же удалцом вырастешь.

В следующий миг началась драка. Жара почти сразу сбили с ног, навалились сверху и стали молотить кулаками. Перепадало и своим, но это только добавляло азарта.

Рыска метнулась прочь, по привычке – к веске, потом, опомнившись, к хутору. Но, не пробежав и десяти шагов, снова остановилась. Полщепки⁷ оцепенело тарашилась на дерущихся, а затем с тонким, почти крысиным визгом вскочила Илаю на спину. Земляника, которую девочка так и держала в горсти, кашей размазалась по лицу драчуна, залепив ему глаза.

– А-а-а! – взвыл тот, не сразу сообразив, что за красная теплая жижа течет у него по щекам. – И-и-и! – Это уже Жар пнул его в колено.

Илай упал – вместе с Рыской, так и не разжавшей рук. Один из братьев попытался ее оторвать, но девочка с неожиданной для себя самой яростью мотнула головой и цапнула его за руку, коротко и глубоко, до крови. Тот взвыл, отскочил и запрыгал на месте, зажимая ранку ладонью. Жар без труда сбросил последнего драчуна, самого младшего и хлипкого из троицы. Вскочил, замахнулся, но ударить не успел.

– А я все маме расскажу! – взвыл тот и кинулся наутек.

– Голове еще пожалуйся, мокроштанник! – презрительно выкрикнул Жар, не догадываясь, что попал в больное место. Беглец зарычал от обиды, но даже не обернулся.

Паника во вражьих рядах оказалась заразной: укушенный рванул следом, а за ним и Илай, наконец сумевший отцепиться от Рыски.

– Чокнутая! – блажил он на бегу. – Крыса бешеная!

«Чтоб ты споткнулся!» – с ненавистью пожелала девочка, и ее обидчик в тот же миг неуклюже взмахнул руками и покатился по траве. Рыска оторопела, весь задор с нее как веником смахнуло. Илай, правда, тут же вскочил и надал ходу, заметно прихрамывая, а Жар торжествующе заорал:

– Пошли вон из *нашего* леса, клопы весковые!

– Погодите, гуси, мы скоро вернемся и вам покажем! – пообещали уже от подножия холма.

– Давайте-давайте, а то мы на ваши спины еще не насмотрелись!

Ответ Рыска не разобрала, но отголоски донеслись не шибко дружелюбные. Жар повернулся к ней – с подбитым глазом и распухшей губой, но гордый донельзя.

– Как мы их, а?!

Девочка неуверенно кивнула. Во рту было солоно и гадостно. Вот странно, а своя кровь как будто даже вкусная, когда царапину зализываешь...

– Пошли назад. – Мальчик одернул рубашку, с удовольствием убедившись, что она цела. Шкура-то сама заживет, а дырку штопать надо. – Эй, ты чего такая скучная?

Рыска вымученно улыбнулась. Жару, может, и привычно задираться с людьми и расшибать чужие носы, для нее же это стало прыжком в омут, из которого чудом удалось выплыть.

На обед они немного опоздали, но, как язвительно заметила женка, сами себя наказали: супа в горшке уже не осталось. Зато и без затрещин обошлось. Сердобольная Фесся сунула детям по куску хлеба с салом и отправила вдогонку ушедшим на луга батракам, помогать ворошить сено. Это было куда веселее, чем мыть посуду, к тому же мужчины не относились к их подмоге всерьез, необидно обзываясь «мелочью» и оттесняя в сторону. Детям оставалось так, сзади подгребать.

– Что, подрался? – ухмыльнулся чернобородый батрак, владелец самой большой ложки, заметив свежие синяки у Жара на руках и лице.

– Было дело, – нехотя, подражая солидному говору мужчины, признался мальчишка.

– За девку?

Жар насупился и немного отстранился от Рыски. Та тоже фыркнула и отвернулась.

– Уважаю, – неожиданно серьезно сказал батрак. – Вот теперь вижу – взрослый!

---

⁷ Время горения щепки, примерно 15 секунд.

* * *

С темнотой Рыске в голову пришла ужасная мысль: а вдруг крысы запомнили ее у Бывшего и решили с ней тоже расправиться? Та первая обнаружила, где девочка живет, и побежала за остальными?!

За день – да после бессонной ночи! – Рыска умаялась так, что пару раз чуть не заснула за ужином, прямо с ложкой во рту. Но когда настало время идти наверх, девочку словно колодезной водой окатило.

– Я лучше тут, на полу у порога, лягу! – со слезами упрашивала она служанку.

– Что, опять крыс боишься? – догадалась Фесся. – А ты кошку с собой возьми, рыжую. Она каждое утро по задущенной крысе на крыльцо приносит.

Но рыжей, как на грех, в кухне не оказалось, а на «кыць-кыць» к порогу подбежал только жирный черно-белый котяра, хозяйский любимец, который на подачках уже забыл, как мышь выглядит.

Пришлось взять плошку с жиром и фитилем. «Если уроните или потеряете, я вас сама загрызу!» – грозно пообещала Фесся.

По лестнице Рыска взбиралась как на плаху. Не будь в сенях еще темнее и страшнее, так бы внизу и осталась.

– Ну, видишь? – Жар поводил плошкой направо, налево. – Никого нет!

Девочка теснее прижалась к его боку. Ага, нет! Со светом стало только хуже: веники под потолком выпустили длинные, лохматые, как звериные лапы, тени, хищно шевелящиеся при каждом движении огонька.

– А давай тюфяки сдвинем? – жалобно предложила она.

– Я во сне брыкаюсь, – предупредил Жар, уже не надеясь отвязаться.

– Ничего, мы спиной к спине.

Обрадованная Рыска потащила свой тюфяк на смычку. Мальчишка дождался, когда она уляжется, и дунул на фитиль. Тени исчезли, потом снова начали помаленьку проступать: нынешняя ночь выдалась ясной, луна светила прямо в отдушину. Фасоль шуршала. Осы гудели. Но Жар сопел громче и ближе, и девочка понемногу успокоилась.

– А ты правда сирота? – вспомнив, осторожно спросила она.

– Угу. Отец на войне погиб, а мама три года назад умерла. – Мальчик перевернулся на спину. – А твой?

– Мои живы... – Рыска вздохнула, жалея, что не может говорить о них с такой же тоской и гордостью. – А ты про Илаева отца правду сказал или со зла?

– Правду. Он позавчера на хутор приходил, предлагал Сурку гусят у него купить. Такую цену вначале заломил, что хозяин расхохотался и говорит: «Не-е-ет, кум, это тебе не гнилую пшеницу тсецким⁸ вдовам втюхивать!» И поругались немножко, повспоминали друг другу – так, не всерьез, чтобы торги не сорвать. Я того клопенка запомнил, он по двору слонялся и Бреха попытался подразнить. А пес-то спущен был, просто рядом с цепью лежал.

Рыска тихонько рассмеялась, жалея, что позавчера ее здесь еще не было. Жар тоже хихикнул.

– Надо завтра котят найти, – сказал он. – Сами выберем, какого захотим, и прикормим. Будет у нас в ногах спать, как сторожевой.

– Давай, – обрадовалась девочка. – Только, чур, кошку! Она мурчит вкуснее.

– Ладно, – милостиво согласился мальчик. – Она и крыс лучше ловит.

---

⁸ Тсец – воин на царской службе.

Воодушевленная Рыска наконец отважилась высунуться из-под покрывала дальше чем по нос и, помявшись, робко предложила:

– Жар, а давай дружить?

Тот выдержал положенное приличиями время и зевнул:

– Давай. Только с утра, а то так спать хочется, что, если и дальше будешь мешать, ей-ей, стукну...

* * *

На рассвете дети тщательно обшарили чердак: Жар по левой стороне, Рыска по правой. Гнездо отыскалось в самом дальнем углу, под краем крыши. В тряпичной ямке лежал единственный котенок, и тот неживой. Когда Рыска, прикусив губу от жалости, взяла его в ладони, рыжая головенка обвисла и девочка увидела две окровавленные дырочки на затылке – от маленьких, но очень острых зубов.

Глава 4

*Крысы очень сообразительны, осторожны и подозрительны
ко всему новому.*

Там же

Погода испортилась только через девять дней, когда весчане снова начали тревожно поглядывать на вянущую ботву, а закатное солнце тонуло в дыму от горящих на западе лесов. Затяжной, на неделю, дождь их погасил, но вернуть к жизни не смог. Проезжие люди рассказывали, что можно лучину⁹ идти по пепелищу – и не увидеть ни одного зеленого листка. Зверье частью откочевало, частью погибло в огне, и в черных скелетах лесов бродили только волчьи стаи, выкапывая из углей обгорелые туши. Скоро всех подберут и за людей примутся, пророчили старики. Их бранили, высмеивали, однако двери на ночь запирали накрепко, по три раза перепроверять бегали.

Но в Приболотье, сумевшее перехватить глоток воды посреди засухи, тучи успели вовремя. Голова петухом выхаживал по веске: вот, если б не послушались меня, не уплатили путнику – до весны б крысиный хвост сосали! А теперь – вона как! Будто на закваске прет! Репа уже с кулак, свекла листья над междурядьями сомкнула, яблони ветки опустили – столько на них зреет! Правда, радость головы несколько омрачало то, что туча краем зацепила нижнереченцев, полив их огороды совершенно бесплатно. «Зато Калинин сад у вас таки осыпался!» – мстительно напоминал он всякий раз, когда соседи начинали дразниться.

Приболотские же посевы словно торопились нагнать упущенное. Если Саший снова не подгадит, хватит и осенний пир справить, и закрома доверху засыпать, и на продажу останется. Да по такой цене, что Сурок аж облизывался, разминая в пальцах сорванный на пробу колосок. В округе-то дела шли намного хуже. Жители Приболотья и впрямь спохватились первыми: вызванный ими путник подманил к веске единственную, как костяку в супе, грозовую тучу на сто вешек окрест. То есть шарь потом в горшке половником, не шарь, а все равно пустые щи хлебать придется.

Росло и осиное гнездо на чердаке. Осы неустанно обертывали его новыми слоями серой жеваной бумаги, начиняя ее сотами. Теперь гудение слышалось от входа, а днем на чердак лучше было вообще не заглядывать. Даже Жар перестал поддразнивать трусливую подружку: успешно проползти под гнездом удавалось все реже. Старые осы с истертыми крыльями доживали век на полу, с предсмертной яростью впиваясь в голые коленки и ладоши. Жар только ругался и почесывался, у Рыски же взбухал огромный, горячий, долго не проходящий желвак. Поэтому мальчишка благородно полз первым, за что и страдал.

Рыска пожаловалась на ос Цыке, но батрак, спешивший на пастбище, только отмахнулся. Мол, отдерите его ночью да выкиньте в окошко, делов-то. Ага, а если уронишь впотьмах? Или вдруг оно пристало накрепко? Пока будешь возиться... Да и не пролезет оно уже в отдушину, это к двери тащить надо, по лестнице и через сени.

– Поджечь бы его, – с мечтательной злостью сказал Жар, поутру разглядывая гнездо с тюфяка. – Так ведь кругом труха, весь чердак займется.

– А если кипятком окатить? – предложила Рыска, вспомнив, как отец гонял ос из сарая. Там, правда, гнездо снаружи висело, на стене. Удобно: плеснул и убегай.

– Тут целое ведро нужно... Да и не прошпарит оно насквозь, только сверху намочит. Вон сколько накрутили, целая крепость! Придется осени ждать, покуда сами не разлетятся.

---

⁹ Время горения одной лучины, примерно 30 минут.

Но в саду только-только начали краснеть вишни, и до осени гнездо грозило переплюнуть пчелиный улей.

– Ну сколько мне вас ждать-то?! – Фесся стукнула в потолок уже третий раз – похоже, кочергой. Осы тоже встрепенулись и загудели громче, сердитей.

– Идем, идем, – нехотя откликнулся Жар. – Щас... сапоги надену.

– Шубу бобровую не забудь, бездельник! – еще больше рассердилась служанка. Пол был тонким и пропускал все громче шепота.

Жар, не отвечая, вытащил из-под тюфяка два здоровенных, истоптанных и покوروبившихся сапога, найденных в чердачном соре, надел их на руки и пополз к лестнице, по пути мстительно давя замеченных ос. Рыска – следом, по расчищенному.

В сенях вкусно пахло упаренной картошкой в кожуре, остывающей в длинном глубоком корыте. Дедок как раз нацелился на нее толокушкой, отвернулся только к мешку с отрубями, подсыпать в мешанку ковшик для сытности. Жар, вроде бы равнодушно проходивший мимо, внезапно наклонился вбок – цоп одну, цоп другую, куда спрятал – непонятно! Рыска сглотнула слюну, но следовать его примеру не отважилась.

– Доброе утро, дедушка!

– Доброе, доброе, – благодушно откликнулся тот. – Картошечки не хочешь? Покуда свиньям не истолок.

Рыска захихикала, косясь на Жара. Тот смущенно почесал макушку и шепнул:

– Зато так веселее!

– Спасибо, дедушка! – Девочка поскакала дальше, открыто перебрасывая с ладони на ладонь большую шишковатую картофелину. Жар страдальчески морщился: ворованное припекало живот, но бросить уже нельзя, заметят.

– Мам, кухонный дед опять свиную картошку раздает! – донесся с улицы капризный голосок Диши, младшей Сурковой дочери. Увидела в распахнутую дверь, зараза глазастая!

– Да ладно тебе, – одернул ее брат, толстый и конопатый Пасилка. (Чего это на него нашло, удивилась Рыска – обычно сурчонок шпынял слуг почище отца). – Она ж свиньям и досталась.

Жар стиснул кулаки. На себя бы в лужу посмотрел! Рожа сальная, волосы редкие, нос приплюснутый, уши лопухами. Ко всему прочему хозяйский сынок был отчаянно труслив и по-мужски честно, где-нибудь за амбаром, мериться силами не желал. Предпочитал свысока покрикивать, а чуть что – жаловаться папочке.

– Что это из тебя сыпется? – изумилась Фесся.

Мальчик, опомнившись, кинулся подбирать картошины, раскатившиеся в разные стоны.

– Дедушка угостил, – отчаянно покраснев, соврала Рыска.

Служанка, прекрасно все поняв, тяжело вздохнула. Ей-то картошки для ребенка было не жалко, но вороватость Жара начинала всерьез тревожить Фессию. Вроде ж добрый мальчик, не жадный, а мимо плохо лежащего пройти не может.

– Поди верни и извинись, – велела девушка.

– Да ла-а-адно, – заныл Жар, – не обеднеют свиньи от двух картох...

– Или я сама ему скажу. А заодно Мухе.

Мальчишка злобно на нее зыркнул, ссутулился и вышел. Рыска дернулась было за ним, но Фесся укоризненно погрозила пальцем: сам нашкодил, сам пусть и ответ держит.

– Замешай-ка лучше тесто для оладок. – Служанка поставила на стол глубокую миску и плеснула в нее утреннего, еще теплого молока.

Девочка огорченно прикусила губу, но послушно влезла на лавку.

Рыска прижилась на хуторе. Робкую худенькую девочку втайне жалели и норовили подсунуть работу полегче, а кусок послаще. Когда за месяц ни отец, ни мать даже не пришли ее навестить (к Жару и то тетка с гостинцами приезжала, горько плакала, глядя по голове и назы-

вая «сиротинушкой», – но забрать обратно не предлагала), Фесся окончательно взяла Рыску под свое покровительство. Теперь девочка не горбатилась от темна до темна, а получала задание на день и, если справлялась раньше, шла гулять. Или – гораздо чаще – на помощь ленивому другу, который две лучины нес ведро от колодца, лишь бы его не припрягли к чему-нибудь еще. Но потом Жар устыдился и подтянулся, даже состязаться с подружкой стал: кто раньше освободится.

– А почему сурча... хозяйские дети так рано встали? – спросила Рыска, старательно растирая мучные комочки.

– Угу, и в таком «хорошем» настроении, – буркнул Жар. Из сеней он вернулся красный и потный, по-прежнему сжимая в руке злополучную покражу: дедок, тронутый «раскайанием» негодника, беззлобно его пожурил и сказал оставить картошины себе. Другое дело, что вряд ли они теперь в горло полезут...

– Хозяева в город едут, – объяснила Фесся. – С ночевкой, к теще на день рождения. Детей с собой берут.

Рыска с Жаром многозначительно переглянулись. Нет хозяев – вдвое меньше посуды, втрое меньше готовки: они ж простой кашей не обойдутся, им фаршированного карпа подавай или там ворону с морковкой. Батраки без Сурка тоже рукава спустят, к ночи удерут в веску к подружкам и пиву. Тишь да гладь на хуторе настанет, гуляй – не хочу!

– Женка тут остается, – слегка омрачила их радость Фесся. – И собралась большую стирку затевать.

Это детей как раз не огорчило: до речки далеко, корзины с бельем повезут на телеге, ну и прачки заодно сядут. Будет шумно и весело, а потом можно искупаться и наловить раков. Дай Богиня здоровья Сурковой теще!

– Эй, ты куда? – возмущенно крикнула служанка.

– Живот прихватило! – Жар запоздало придержал его рукой, но вместо нужника полез на чердак – в тот угол, где лежали обросшие пылью поленья, а еще самодельные верши. – Ой! Ай! Мамочка!

Рыска чуть не опрокинула миску, вскакивая из-за стола. Первое, что пришло ей на ум, – крыса. С убийства котенка она не показывалась и на спящих детей не покушалась, но шебуршать не перестала, частенько оставляя на тюфяках коричневые «семечки». Жар уверял, что она просто любопытничает, но девочка неизменно вздрагивала от страха и омерзения, обнаружив в постели очередное «послание».

Перепугалась и Фесся, выбежавшая в сени вслед за девочкой. Но Жар уже спускался сам, как-то странно подергиваясь, почесываясь и ругаясь сквозь зубы.

– Полегчало? – ехидно спросила служанка.

– Угу. – Мальчик, поморщившись, выдернул из щеки черную щепку жала. – А чего? Пчелами ж ломоту в спине лечат.

– Так пчел к спине и прикладывают. Надо было штаны спустить и к гнезду задом повернуться, а то пока еще от лица до попы дойдет!

– Смейтесь, смейтесь, – проворчал Жар, сердито косясь на предательски фыркающую подругу. – А я это гадство над головой больше терпеть не собираюсь!

Мальчишка обвел сени глазами, но что заставило их торжествующе просиять, Рыска не поняла.

* * *

В телегу запрягли Забаву, смирную рыже-белую корову со спиленными рогами. В молодости она была одной из лучших в скаковом стаде и теперь попыталась с места взять в галоп. Дети взвизгнули от восторга, но сидящий за возницу дедок поспешил ее осадить. Коровка уже

старенькая, с намозоленными копытами, куда ей бегать! Забава послушно перешла на быстрый размеренный шаг, под дугой зазвенели бубенчики. Женка важно, как капитан корабля, восседала на самой высокой корзине, командуя на каждой развилке, – хотя дорогу прекрасно знал не только дедок, но и корова, поворачивающая до рывка вожжи.

От затяжных дождей река разбухла, потемнела. Самое время в ней стирать, покуда вода не успела снова зацвести. Становится абы где на берегу не стали, поехали едва заметной тропой вдоль берега, пока кусты и камыши не расступились, открыв широкую песчаную проплешину. На добротных бревенчатых мостках уже стояла одна тетка, звучно хлопая по воде скрученными штанами. Рыска ее не знала, но Фесся и дедок приветливо поздоровались – оказывается, жена местного рыбака, иногда носит в хутор линей на продажу. Женка недовольно поджала губы, но менять место не стала. Тем более что тетка охотно потеснилась к правому краю: вместе работать веселей.

Корзины выгрузили, корову выпрягли и пустили щипать траву. Дедок поклонился вдоль мостков, покряхтел напоказ, чтоб не заставили помогать, и отпросился погулять по лесу. Жар удрал еще раньше, расставить верши: авось за время стирки что-нибудь попадетсЯ.

– Слыхала? Крупкинского мельника медведь задрал, – выжимая простыню, обратилась к Фессе тетка.

– Да ты что?! – Служанка чуть не упустила Сурковы порты. – Совсем?

– Насмерть! Прямо на глазах у дочки. Собирали на поляне чернику, услышали, как кусты трещат, не успели оглянуться – как выломится! Как кинется!

– Жалко, – сдержанно проронила женка. – Это ж теперь зерно аж в Межлесье везти придется...

– А где это было-то? – жадно поинтересовалась Фесся.

– Да возле самой мельницы, дочка как раз до нее добежать и запереться успела. Говорит, еще три лучины под окнами бродил, рычал.

– Вот ты где, негодник! – заметила Муха выбирающегося из камышей Жара. – А ну, живо за работу!

Мальчишка нехотя влез на мостки, выдернул из корзины первую попавшуюся тряпку и пошел к горшку со щелоком.

– погоди, так это ж совсем рядышком! – осенило служанку. – Мельница всего на полвешки выше по Змее, только на другом берегу.

Кусты затрещали.

На мостках стало тихо-тихо. Все уставились на пяток малиновых макушек, колышущихся не в лад с остальными.

– Эй, дед! – дрогнувшим голосом окликнула Фесся. – Это ты там бродишь?

– Он вроде в другую сторону уходил, – вспомнила Рыска.

Вместо ответа кусты снова хрупнули и шелохнулись, уже ближе. Корова тревожно замычала и попятилась на всю длину вожжей. Порты поплыли-таки по реке, лениво шевеля штанинами. Женщины начали жаться друг к другу, ожидая, кто первый завизжит, чтобы подхватить.

Ветки наконец раздвинулись. Зверь вышел на полянку и замер, сбитый с толку дружным... хохотом.

– Лисичка! – умилилась Фесся. – Ты глянь, совсем нас не боится.

Жар порылся в карманах, свистнул и бросил лисе кусочек хлеба. Та наклонила морду, тщательно обнюхала подачку, но есть не стала.

– Ишь ты, – изумилась служанка. – Видать, не голодная.

– А чего ж тощая такая?

Лиса действительно была какая-то костлявая, пыльная и облезлая. И на лапах она стояла нетвердо, пошатывалась и постоянно переступала, пытаясь сохранить равновесие.

– Может, из сгоревшего леса? – предположил Жар. – Еле выбралась, никак отдышаться не может?

– Бедненькая. – Рыбачка присела на корточки, протянула к лисе руку. – Иди сюда, кысь-кысь-кысь...

Лиса, к общему удивлению, подумала и пошла.

– На кой она тебе сдалась? – раздраженно спросила женка – единственная, кто не бросил полоскать белье. Ну подумаешь, лиса. Дома целая шуба из таких висит, гладь сколько влезет.

– На воротник, – тем же ласковым голосом проворковала тетка, продолжая подманивать животное, не подозревающее о причинах такой доброты. – Оклемается, перелиняет и...

– Что-то не нравится она мне, – прошептала Рыска, вцепляясь в Жаров локоть.

Мальчик уставился на ее макушку, не веря своим ушам. Обычно подружка первой бросалась на выручку застрявшему в заборе утенку или отважно лезла в будку к цепному псу, чтобы выдрать у него репей из уха.

Вернулся дедок – действительно, с другой стороны опушки. На ладони он торжественно нес лист лопуха, на котором горкой лежали большие полосатые улитки.

При виде лисицы, уже ступившей на мостки, дед охнул, выронил лакомство и заголосил:

– Да вы что, дуры, опупели?! Она же бешеная!

Лиса вздрогнула, и в башке у нее как будто что-то переклинило. Глаза, и без того красноватые, с отвислыми веками, разъехались в стороны. Зверь оскалился. Пасть оказалась заполнена белой густой слюной, хлопьями потекшей с сероватого языка.

Рыбачка, завизжав, вскочила и швырнула в лису мокрой рубахой, а сама шумно сверзилась с мостков. Женка и служанка ненадолго от нее отстали. Бешеная зверюга шарахнулась от выплюнутых рекой брызг и стрелой – откуда только силы взялись! – погналась за Жаром. Мальчишка с воплем помчался к ближайшему дереву и белкой взбежал по стволу. Лисица с тупой яростью всадила клыки в кору, отодрала несколько щепок и жадно проглотила. Пока глодала елку, словно забыла, что на ней кто-то сидит, успокоилась, развернулась к мосткам и...

И заметила еще одну жертву.

– Рыска, беги! – отчаянно и тщетно орал Жар.

– Прыгай в воду, дура! – вторили невольные купальщицы. – Она воды боится!

Девочка не мигая смотрела на бегущую к ней смерть. Дробный лисий топоток барабанным грохотом отдавался в ушах. Мир сузился до полосы шириной в два шага: на одном конце девочка, на другом – приближающийся зверь.

Рыска смотрела.

Полоса – или рычаг огромного ворота, скачками отсчитывающего зубцы шестерни.

Р-р-раз...

...лиса впирается в ногу, мертво смыкает челюсти...

Два...

...лиса подпрыгивает, лицо обдает гнилым дыханием, слюна брызгает на кожу, в глаза...

Три...

...лиса уворачивается от пинка и снова нападает...

Четыре...

...лиса нападает, как будто не почувствовав его...

Пять...

...лиса...

Рыска сжала пальцы, стиснула зубы. Уперлась ногами, словно пытаясь удержать, остановить что-то непосильное.

И Жар увидел, как желто-зеленые глаза подруги на миг стали золотыми.

Лиса внезапно замедлила бег. Еще пара-тройка неуверенных скачков – и зверь повалился на бок, выгнулся дугой и начал биться в конвульсиях. Сильных, но недолгих. Последний судорожный рывок – и тело обмякло, словно бы с облегчением вытянулось на траве. Янтарный глаз завернулся кверху и потускнел.

Только тогда Рыска сморгнула и медленно попятилась.

– Ну ты, девка, и везучая! – Подбежавший дедок выронил ненужную уже палку и обхватил девочку за плечи. На всякий случай оттянул от тушки еще на пару шагов. – Эк вовремя она околела! Еще бы минута...

Рыска, не отвечая, провела ладонью под носом, размазав кровь по щеке и подбородку.

* * *

День оказался испорчен напрочь. Промокшая до нитки женка незаслуженно всех отчихвостила (что, впрочем, сказалось на стирке самым положительным образом: лупить мокрой тряпкой по воде, представляя на ее месте Муху, было очень приятно), а после окончания работы сразу потребовала запрягать, не дав ни отдохнуть, ни искупаться, ни даже забрать верши. Жар и упрасивал, и хныкал, и бранился, но послушаться не посмел.

Рыска, напротив, была странно молчалива и даже не попыталась вступить за друга, на что тот здорово обиделся и не разговаривал с ней до самого ужина. Но девочка этого, кажется, даже не заметила. И вообще по возвращении не выходила из дома, хвостиком тягаясь за Фессей и сама напрашиваясь на работу.

Когда дети наконец залезли на чердак и Рыска, укрывшись, сразу отвернулась к стенке, Жар не выдержал.

– Ну чего ты такая кислая? – попытался растормошить он подружку. – Из-за лисы, что ли? Брось, все ж обошлось... вершей только жалко.

– Это я ее убила, – прошептала девочка, продолжая остекленело тарашиться в никуда. – Я очень-очень захотела, чтобы она умерла, и она упала и умерла...

– Конечно, она ж уже на последнем издыхании была! – возмутился Жар. – Тоже мне нашлась путница.

Рыска вздрогнула, словно мальчишка стегнул ее прутом, и рывком села.

– Ты видел, как она на нас смотрела? Как у нее слюни текли?

– Ага. Вначале до того смиренная была, жалкая, а как дедок крикнул, так ее и перекосило. – Жар тоже поежился.

– Нет, она сразу такая вышла! – неожиданно заспорила девочка.

– Тебе померещилось.

– Нет! – Рыска схватилась за голову и еще больше сгорбилась. – То есть... оно не то что мерещилось... я *знала*, что так будет. Ну, будто яблоко тебе бросили: оно еще летит, а ты уже понимаешь, куда нужно подставить ладонь... Я и подставила.

Жар ничего не понял, но неуклюже обнял дрожащую подругу. Та благодарно уткнулась ему в грудь.

– А знаешь, что самое страшное? – Рыска хлопнула носом. Жар почувствовал, что рубашка начинает промокать, но только крепче прижал подружку к себе. – Помнишь, как мы с Илаем дрались?

– Ну?

– Я захотела, чтобы он упал. И он упал. А если бы... Если бы я и ему пожелала смерти?! – Рыску колотило все сильнее. – Мне так страшно, Жар! А вдруг я однажды разозлюсь на тебя? Или на Фессю?! И тогда... – Голос окончательно перешел в рыдания.

– Зато крысы ты теперь можешь не бояться, – неуклюже попытался пошутить мальчишка. – Глянешь – она и окочурится.

Девочка разрыдалась еще горше.

– Жа-а-ар, я-а-а... У меня-а-а... Пообещай, что никому не расскажешь! Никому-никому!

– Обещаю, – растерянно поклялся мальчик. – Только ты, того, слезы-сопли вытри. Ничего ж страшного не случилось. А что ты там себе надумала...

– Я не надумала. – Рыска поерзала на тюфяке, но удобной позы так и не нашла и трагически прошептала: – Я была в Старом Доме!

– И чего? – не понял Жар.

– Ой, ты же не местный, – спохватилась девочка. – У нас в Приболотье...

Мальчик слушал затаив дыхание: Рыска так живо и красочно описала избу, крыс и умирающего путника, что будто своими глазами увидел.

– А лиса-то тут при чем? – повторил Жар, когда девочка выговорила и выжидательно уставилась на него.

Рыска аж растерялась и немножко обиделась.

– Ты что, совсем глупый? Бывший мне силу свою передал! А вместе с ней какое-то проклятье, вот крысы за мной с тех пор и бегают!

– Бабкины сказки, – пренебрежительно отмахнулся Жар. – Мне тетка рассказывала, что на путников много лет учат, как, скажем, на кузнецов или там сапожников. У них даже община своя есть. Где ты видала, чтоб помирающие сапожники чего-то там передавали?

– Но что-то же он со мной сделал, – уже не так уверенно возразила девочка.

– За руку подержал, покуда бредил перед смертью.

– А сила откуда?

– А она у тебя точно есть? Люди иногда падают. А бешеные лисы –дохнут.

– Но я что-то почувствовала! И кровь – как тогда, в Старом Доме...

– После драки у тебя с носом все в порядке было.

Рыска совсем растерялась:

– Точно... Думаешь, мне этот ворот просто от страха почудился?

– Давай проверим, – с готовностью предложил друг.

– Как?!

– Помнишь, что говорят о неудачниках? «Сыграл с путником в наперстки». – Жар пошарил ладонью по полу и наткнулся на фасолинку, маленькую и поцарапанную: наверное, крыса вылущила и волокла в гнездо, да что-то ее спугнуло. Мальчик показушно потряс зерно в соединенных горстях, сжал их в кулаки и спрятал за спину. – В какой руке?

– В левой, – быстро сказала девочка.

– Угадала, – удивленно хмыкнул Жар. – А ну-ка давай еще раз!

У Рыски снова начали дрожать губы.

– В правой, – обреченно выдохнула она, сколько можно затянув с ответом.

Жар долго, непонятно глядел на подружку, уже такую бледную, что еще чуть-чуть – и в темноте засветится, потом широко ухмыльнулся и показал ладони:

– Не-е, в левой. А теперь?

– Теперь опять в левой.

– Не-а, в правой. Эх ты, путница-путаница! – Мальчишка отвесил подруге легонький щелбан. – Не то что из трех наперстков – из двух кулаков выбрать не сумела! Какие тебе дороги судьбы, если ты даже мимо осы на полу проползти не можешь, непременно наступишь... О! Чуть не забыл!

– Ты куда? – встрепелась девочка.

– Щас!

Зашуршал мусор, заскрипели лестничные ступеньки. Потом внизу что-то брякнуло: не иначе друг впотьмах свернул одну из кринок.

Рыска, не выдержав, тоже подползла к проему.

– Иди сюда, – как раз окликнул Жар сдавленным голосом. – Помоги втащить!

Девочка свесилась в темноту, нащупала что-то холодное и шершавое, вцепилась, что есть сил потянула, и на чердачный пол встал большущий... горшок.

– Зачем он тебе?

– Сейчас узнаешь. – Жар посидел на верхней ступеньке, переводя дух, а потом решительно поволок добычу на середину чердака. – Принеси-ка пару досок, там вдоль стенки лежали.

Когда Рыска вернулась, друг успел поднять горшок, надеть на гнездо и плотно прижать горловиной к балке.

– Подпирай скорей! – прохрипел он, еле удерживая груз руками и плечом.

Девочка торопливо подставила доски под горшок – наискосок, шалашиком. Жар помог заклинить их посильнее, осторожно подергал – вроде крепко стоит.

Рыска боязливо прислушалась к нарастающему тревожному гулу изнутри.

– Пожужжат-пожужжат и издохнут, – заверил ее Жар. – Тогда спокойненько снимем и выкинем.

За установкой горшка девочка немного утешилась, но стоило детям забраться под покрывала, как она снова начала ворочаться и вздыхать.

– Расскажи мне еще что-нибудь, – попросил мальчик, отвлекая ее от тревожных мыслей.

– О чем? – удивилась Рыска.

– А все равно. О себе. О родителях.

– Не хочу. – Девочка натянула одеяло до ушей, но друг не отставал:

– Тогда просто байку. Только, чур, веселую!

– Ну-у-у... – задумалась Рыска. – Хочешь, расскажу, как дядька Хвель огурцы сажал?

– Конечно!

– Ладно, слушай, – немного оживилась девочка, поворачиваясь к другу. – Живет у нас в веске один мужик, ленивый-преленивый...

* * *

Рыска давно спала, а Жар, приподнявшись на локте, все глядел на подружку, задумчиво катая в пальцах фасолину.

Хорошо, что на чердаке было темно и девочка не заметила, что последних два раза мальчик перекладывал семя из руки в руку.

Глава 5

*Даже одна крыса – сущее бедствие для амбара: что не сожрет,
то перепортил.*

Там же

Утро выдалось раннее, ясное, и Рыска проснулась до стука в потолок. Немножко полежала, прикидывая, долго ли еще до побудки, но потом сообразила, что Жара рядом нет. Девочка села, потянулась. Подпертый досками горшок стоял на месте и так злобно гудел, будто в нем варилось колдовское зелье.

Рыска выглянула из окошка, сонно щурясь на затянутый утренним туманом огород и пытаясь разобрать, кто из дворовых псов бродит по клубничной грядке – Репейка или ее сын Брех, уже переросший старую суку на голову, но такой бестолковый, словно этой самой головы у него вообще не было. На ночь собак спускали с цепей, и пес вечно норовил перемануть через забор и порываться в кротовых кучах среди грядок. После чего кучи от грядок уже не отличались, а кроты и женка были очень недовольны.

Рыска призывно свистнула, надеясь, что Брех струхнет и вернется в будку. Тот действительно так и взвился... на задние лапы. Замотал головой, заполошно осматриваясь. Жар! Он-то там что делает? Проще Сашия из бездорожья вызвать, чем этого лентяя на прополку загнать, да еще в такую рань.

Мальчик заметил подругу, сердито погрозил ей, но из огорода все равно вылез. Прокрался вдоль стеночки к двери, воровато придерживая завернутую на животе рубашку.

– Ты что, Муха же нас убьет! – ужаснулась Рыска, когда Жар торжественно высыпал добычу на покрывало. Женка каждый вечер пересчитывала спелые ягоды и грозно обещала, что, если с утра будет хоть на одну меньше, – порки не миновать.

– Так ведь про белые она ничего не говорила, – рассудительно заметил воришка. – А они тоже вкусные, сла-а-аденькие...

– Краденое сладким не бывает!

– Ну, фначит, буфу дафитфя гойкими. – Мальчик запихнул в рот сразу две клубничины, только-только начавшие розоветь с одного бока. – Умм...

Девочка нехотя попробовала одну ягоду. Твердая и кислая, немножко похожа на сливу. Лучше бы в лес за черникой сбегали.

– Столько добра перепортил, она ж могла еще вдвое вырасти, – упрекнула Рыска друга.

– Ага, и достаться Пасилке с сестрами! Ну уж нет, – хорохорился Жар, скрывая досаду: он-то хотел порадовать подружку.

– Слышишь? – внезапно насторожилась девочка.

– Что?

– Бубенцы звенят! Кажется, хозяева возвращаются!

– Шутишь?! – не поверил друг. – Они ж только к ужину собирались, до города-то десять лучин пути. Что они, по темноте ехали?

Конец спору положил громкий стук в ворота и незнакомый встревоженный голос:

– Эй, хозяйева, отворяйте! У нас тут человек помирает, помощь нужна!

Дети кинулись к лестнице. Растолкать храпящих в каморе батраков оказалось делом непростым: Жар слышал, как они возвращались уже после первых петухов,¹⁰ дурацки хохоча и спотыкаясь. Одно место вообще пустовало.

---

¹⁰ В полночь.

Когда толпа взъерошенных, злых мужчин вывалилась из сеней, у ворот уже стояли Фесся и дедок, ругаясь с незваными гостями.

– Да вы кто такие будете-то?

– Люди, разве не видно?!

– Люди разные бывают!

– Да свои мы, свои! В Копытье живем, поросят в город на продажу возили!

– Давай туда! – Жар схватил подругу за руку и потащил в противоположную сторону, к сараям. С колоды на низенький курятник, с курятника на крышу свинарника, а оттуда видно, что делается и по эту сторону забора, и по ту.

Перед все еще запертыми воротами стояла телега-двупряжка, но меж оглобелей почему-то была только одна корова, неловко вывернувшая шею из-за перекошенной упряжи. Гостей оказалось трое: рослые усатые мужики в пыльной потрепанной одежде. У одного из носков лаптей выглядывали пальцы с черными ногтями, другой кутался в наброшенную на плечи дерюгу. На телеге лежало что-то длинное и неподвижное.

Пришельцы раздраженно уверяли, что они не разбойники. Батраки не сомневались, что разбойники именно это бы и говорили.

– Езжайте вон дальше по дороге, там веска будет!

– А ежели наш друг вот-вот помрет?!

– Нам труп в доме тоже не нужен! Пустишь во двор какую-нибудь холеру, сам потом месяц не отмоешься!

– Да где ж он холерный – раненый! На нас самих возле яра разбойники напали, всю выручку отняли. Шанек отдавать не хотел, так они его ножиком...

– Тетя Фесся! – неожиданно подала голосок Рыска. – Пустите их, пожалуйста! Они правду говорят.

– Ты что, их знаешь? – удивился Жар.

– Нет... но знаю, что не врут! – Девочка змейкой соскользнула с крыши и побежала к воротам.

Батраки вняли не то детскому гласу, не то совести и ворота таки открыли. Гости окриками и пинками (скорей, пока хозяева не передумали!) заставили усталую корову тронуться с места и затащить телегу во двор. Убедившись, что на ней действительно лежит раненый человек, а не куча мечей под тряпьем, хуторяне подобрели. Фесся побежала будить Муху, дедок, вроде как знавший толк во врачевании, послал детей за теплой водой и чистой ветошью.

Копытинцы расселись на песочке под стеной дома, не веря, что их мытарства остались позади. Батраки вынесли им остатки вчерашней гулянки: полкувшина крепкого, на меду и грибах, кваса, несколько кусков хлеба и копченую баранью ребрину. Гости жадно набросились на угощение, охотно отвечая на расспросы:

– Ага, на вчерашней ярмарке. По серебру ушли, они у нас хорошие были, подрошенные. Себе бы оставили, да побоялись, что не прокормим: неурожай же, лучше до весны на картошке просидеть, чем неделю мясом побаловаться, а потом зубы на полку. Чего в городе не заночевали? Так в кормильне становиться дорого, с приличных улиц стража гоняет, а в трущобах боязно. Мы, как расторгались, сразу домой и поехали. Разложили лагерь возле Ледышкина яра, только каша сварилась – выходят из кустов. Мол, отдавайте кошель, добрые люди, – пришли люди злые...

– А много их было? – с тревогой спросила Муха. До яра всего-то семь вешек, если там разбойники завелись, могут и сюда добраться.

– Человек восемь. Может, еще кто-то за деревьями прятался, Саший их знает.

– Беглые каторжане, бывшие тсецы или просто шваль с оружием? – деловито уточнил здоровяк-бородач, в прошлом и сам посидевший, и послуживший в царском войске, и помахавший мечами на свой наемный риск.

– Какое там оружие! – горько сплюнул ограбленный. – Босота с дубинами и ножами, у одного только сабля была, еще с войны, видать: трофейная, саврянская, и держал ее как ту же дубину. Сами трусили, кабы нас побольше было... Шанек узнал одного, по имени к нему обратился...

– Я его тоже потом вспомнил, – поддержал другой гость. – Это ж скорняк из Малых Лодок.

– Точно! – хлопнул по колену приятель. – Щетиной только зарос, как вепрь, и на левую ногу охромел. А я-то еще думаю: вроде голос знакомый...

Надрывно застонал раненый, которого переворачивали на здоровый бок. Люди при-
молкли, прислушались. Дедок что-то там ворковал, уговаривал. Фесся помогала, поливала водой из ковшика, осторожно отдирала присохшую к ране тряпку.

– А Малые Лодки-то сгорели, – шепотом напомнил третий, самый несловоохотливый копытинец.

– Да ты что?! – изумилась женка. – А мы и не слышали...

– Сгорели-сгорели, дочиста. Под утро полыхнули, когда все спали. Видать, за день солома на солнце прожарилась и тлеть начала. Ну а там искра за искрой... Ни одного дома не осталось, изгородь и та обуглилась. Половина народу в дыму задохнулась, даже проснуться не успели. Особенно дети и старики.

– И давно это было?

– Да уж с месяц назад, когда самая сушь стояла.

– Накануне Кайнова дня, – уверенно добавил второй. – Я, помнится, еще подумал: вот те лето начинается...

Батраки молча – кто с ужасом, кто с черным торжеством – переглянулись. Именно в ночь перед Кайновым, первым летним днем, над хутором шел купленный у путника ливень. Мог ли он потушить Малые Лодки? И не полыхнуло бы взамен Приболотье? Или сгорели бы обе вески, а дождь спас от пожара лес, кто знает?

– Людей грабить – все равно не выход, – нарушил тишину Цыка. – Мог бы, как мы, в батраки наняться.

– Так он же хромой.

– Ну, поискал бы работу в городе, те же шкуры скоблить.

– Там своей бедноты хватает, на улицах в два ряда милостыню просят.

– Вы чего, вора и душегуба защищаете? – удивился парень.

– Не защищаем, а понимаем, – насупился копытинец. – У меня самого дома жена и трое детей, как к ним на глаза без поросят и денег показаться – ума не приложу.

– Но-но, – возмутился бородач. – Только посмейте наш хутор ограбить!

Все невесело рассмеялись и сменили тему. Но выбросить ее из головы так и не смогли.

* * *

Хозяева вернулись не вечером, как обещали, а уже к обеду. Хозяйка – злая, словно недо-
еная коза, дети – зареванные, Сурок – багровый и мрачно пыхтящий.

– Что, и на вас разбойники напали? – всполошилась женка.

– Нет, – с чувством сказал муж, – разбойница! Грымза кровожадная, ежа ей под юбку...

– Ах ты мерзавец! – взвилась жена. – А когда мама тебе денег на племенного быка ссу-
жала, небось кланялся, ручку целовал!

– Я ей тот долг уже лет пять как отдал, – огрызнулся Сурок, спрыгивая с телеги. – Вер-
нул бы и тебя, да не берет...

– Хам неблагодарный! – заголосила жена – к восторгу слуг и батраков, благоразумно
притворявшихся глухими, чтобы не перепало и им. – Да я на тебя лучшие годы положила!

– Положила, ага, – подбуркнул муж, – лепешку коровью...

На родном подворье Сурок чувствовал себя куда увереннее и помаленьку расправлял плечи, поникшие в тещиной вотчине. Жена это тоже почуяла и перебросила войска на другой фланг.

– Как ничего не готовили?! – минуту спустя орала она в кухне на Муху. – Хозяева на то и хозяева, чтоб возвращаться когда им хочется, а не когда слуги соизволят их принять! Совсем от рук отбились, в углах паутина, в мисках плесень!

На вероломную атаку незамедлительно ответили катапульты: раздался оглушительный грохот – и нужда в мытье мисок отпала.

– Вики-и-ий! – визгливо воззвала Корова, отступая на крыльцо. – Иди погляди, что эта дура натворила! Целую стопку посуды об пол хряпнула!

Но союзные войска, оскорбленные недавним нарушением мирного договора, не пожелали вступать в бой. Смачно сплюнув под ноги, Сурок объявил всех баб похотливым порождением Сашия и пошел выпрягать коров. Сам, по-хозяйски проверяя, не натерло ли шкуры упряжью, и с тоской вспоминая те славные времена, когда во дворе ревела только скотина.

Наскандалившись до хрипоты, жена с женкой разбежались по комнатам, оставив слуг убирать поле боя. Фесся на скорую руку поджарила яичницу с салом и луком, от которой балованные сурчата воротили носы, а Корова так и вовсе отказалась выходить к столу. Рыска, подметавшая разлетевшиеся по кухне и комнате осколки, слышала, как хозяйка хлопает крышкой сундука, а потом хрустит пряником.

Зловещее грозное напряжение продержалось на хуторе до вечера. Слуги и батраки ходили на цыпочках, стараясь пореже попадаться хозяевам на глаза и даже мелькать перед окнами. Копытинцы тоже не стали засиживаться и, убедившись, что раненому полегче и дорогу до дома он выдержит, завернули оглобли к воротам.

Свободное время у Рыски и Жара появилось только на закате, и то с цыплячий нос: скоро ужинать, мыть посуду и спать. Даже идти никуда не хотелось, дети пристроились на крылечке у ног дедка, неспешно оплетающего лозой большой глиняный кувшин.

– Деда, а где ты так раны штопать научился? – уважительно спросил Жар.

– На войне, где ж еще, – вздохнул тот. – Там мно-о-ого иглой поработать пришлось.

– А Расскажи! – загорелся мальчишка.

– Чего? Как культы бинтовал? – Дедок старательно выровнял законченный рядок.

– Не, как воевал! Ты много саврян убил?

– Дай-ка припомнить... – Старик пожевал губами, глядя на темнеющее небо. – Ну ежели осаду Йожыга считать... одного точно камнем со стены приложил! Нас тогда всех на стены поставили: и писцов, и кухарей – оборону держать... Крючья отбрасывали, веревки рубили, а если уже поздно – то каменюкой в харю! Мало их было, камней-то, беречь приходилось...

– Ну-у-у... – разочарованно протянул Жар. – А чтоб мечом? Или из лука?

Дедок тихонько рассмеялся:

– Дурачок ты, дурачок. Лекарь на войне куда выше тсеца ценится. Рубануть-то легко, а вот залатать... Доблесть не только загубленными жизнями меряется, но и спасенными.

Мальчишка промолчал, но по недовольному сопению было ясно, какого он мнения о подобной доблести.

– И уж поверь мне, – с укоризной добавил дедок, – спасенных вспоминать куда приятнее, чем убитых. Одному путнику известно, не будут ли они тебе до конца жизни в кошмарах сниться...

– Дедушка, – Рыска подала дедку очередной прутик, – а путницы бывают?

– Бывают, отчего ж нет? – Старик придирчиво осмотрел лозинку и одобрительно кивнул, пуская в дело. – Только очень редко.

– Почему?

– А ты сама посуди: бабское ли это дело? Путники, они те же наемники: не в бою, так в дороге, ни семьи, ни дома. И спасать людей доводится... и убивать. Редко какая женщина на такое решится, только от дурной башки либо с горя. Эх, знавал я в молодости одну путницу. – Дедок прищурился и облизнулся, как кот, вспоминающий съеденную в прошлом году перепелку. – Красавица, умница, любого мужика на мечях перемашет и перепьет... ну и до прочих утех охочая. (Жар понимающе заухмылялся, Рыска наивно пропустила дополнение мимо ушей.) Чистый парень в юбке. Впрочем, у нее и юбки-то не было, в штанах ходила. Вроде путник как путник, только как-то поутру заглянул я ей в глаза – и обмер. Пустые они совсем, холодные, будто нарочно все чувства из души вытравила – а дыру заполнить нечем оказалось.

Дедок переложил затекшие ноги – левую поджал, правую – и заключил:

– Нет, девки, негоже вам по дорогам судьбы ходить. Сидите-ка лучше дома, у мужей под крылышком, да деток растите. Нам, мужикам, проще: мы драками, пьянками да гулянками живем, а не что-то подменяем...

Рыска и не собиралась с ним спорить. Больше всего на свете ей хотелось завести семью (настоящую, любящую!), построить дом на берегу реки – с парой коров, курочками и ромашками в палисаднике. И много-много детей, чтобы они вместе играли и дрались против обидчиков. А если, не приведи Богиня, по веске снова прокатится война... Рыска постарается, чтобы непрошенный ребенок об этом даже не узнал. И если муж будет его бить, лучше она мужа из дома выгонит!

– А что, можно иметь дар – и в путники не идти?

– Конечно, никто ж не неволит. Ну, будешь чуток везучей прочих: при жеребьевке лучший надел достанется, пожар стороной обойдет, утки в мор не передохнут. А так – живи себе да радуйся. Ну их, этих путников: пышен хлеб, да горек.

Девочка так облегченно вздохнула, что дедок засмеялся:

– Ты, коза, никак и впрямь себя путницей вообразила? Думаешь, если дитя на дудочке свиристеть научилось, то его уже в царские палаты музыкантом возьмут? Ха! Моя старуха вон тоже видуньей была: я еще за порог шагнуть не успею, а она уже бранится, что вечером у соседа засижусь. По молодости, как разругаемся, вечно пугала, что в Пристань уйдет. Ну-ну, поглядел бы я на это...

– Куда-а-а? – одновременно распахнули рты дети.

– Пристань, казарма ихняя, путницкая. В каждом большом городе есть. Там и молодых натаскивают, и бывалые, если мимо идут, переночевать-поесть могут, чтоб по кормильням не вшиветь.

– Что, дед, опять байки травишь? – бросил проходящий мимо Цыка. – Скажи лучше, куда горшок из сеней делся – ты ж вечно тут на порожке сидишь, бороду проветриваешь!

– Какой горшок? – изумился дедок.

Дети переглянулись и начали потихоньку пятиться от крыльца.

– Да женка уже всех этим горшком достала, взялась после ужина какой-то хитрый сыр делать, мельничиха способ подсказала. А горшка-то и нет! Что побили – никто не признается. Кому он понадобился – непонятно: здоровенный, старый.

– Тетя, я его нашел! – Торжествующий голос Пасилки одновременно пробился из-под крыши и донесся из сеней. – Так и знал, что его крысята к себе утащили! Сейчас прине... ай! Ай-йй-йй-йй-йй!!! Ма-а-а-ама!!!!

А вот теперь уж Жар с Рыской развернулись и задали стрекача.

Глава 6

*Даже взрослые крысы не прочь пошалить и порезвиться.
Там же*

Смешки смешками, а слух, что на хуторе появилась видунья, быстро расползся по округе.

– Ну, чего вам всем надеть? – для порядка ворчал дедок, отпирая ворота (Цыка чаще гнал незваных гостей, грозя спустить псов). – Сходили б к настоящему путнику либо к гадалке в стойбище, чего к девчонке-то прицепились? А ежели она ошибется? Неученая же! Будете потом плеваться да проклинать ни за что.

– Ни-ни, что ты, родненький! – смущенно шелестела в ответ очередная бабенка. – Мне путник и не нужен, я только того, совета спрошу... а дальше уж своим умом.

Звали Рыску. Девочка жутко смущалась, краснела и комкала край передника, упрямо глядя в землю, пока гостя излагала дело. Истории были разные: и смешные, и страшные, и глупые. Кто-то обходился несколькими фразами и задавал четкий вопрос, другие долго ходили вокруг да около, мялись, сами себе перечили – тут речь чаще всего шла о делах сердечных, и, похоже, женщинам больше хотелось выговориться, чем получить ответ. В конце гостя сбивчиво благодарила, совала «видунье» узелок с каким-нибудь лакомством, яблоко или мелкую денежку, неловко гладила девочку по голове и исчезала, пока хозяева не заметили.

Рыска сердито встряхивала косичками – ладони почти у всех гостей были потными и трясушимися – и с облегчением возвращалась к работе, чувствуя себя обманщицей. Ну откуда ей, в самом деле, знать, выходить ли вдове замуж за работающего пьяницу из соседней вески? Где лучше сохранятся этой зимой тыквы – на чердаке или на сеновале? Изменяет ли муж толстой некрасивой тетке, или это просто ее страхи? Девочка честно пыталась прислушаться к внутреннему голосу, но ничегошеньки не слышала. Приходилось отдуваться самой, отвечая что первым в голову придет.

Поток просителей, как ни странно, ширился. Сам Сурок несколько раз вызывал Рыску к себе и указывал на стол, где было разложено несколько свернутых квадратиками записок. Девочка обреченно тыкала пальцем в любую, после чего хозяин либо довольно ухмылялся, либо мрачнел и отсылал племянницу вон. Угадывала или нет, никогда не говорил.

– Дают – бери, глупышка! – убеждал Жар, щелкая дареные орехи или хрустя яблоком. – С дурака грех не взять, если сам дает!

Но Рыске «нечестные» гостинцы в горло не лезли. Монетки она прятала под тюфяком и ни разу даже не проверила, на месте ли они.

Куда больше девочку радовал другой внезапно открывшийся талант. Теперь ее не только не отсылали спать по окончании ужина, а, напротив, приваживали и улещивали. Девочка оказалась изумительной рассказчицей. У нее даже голос менялся, становясь бархатистым, чувственным, с головой окунающим в байку. Особенно Рыске удавались сказки – не детские, про зайчиков да лисичек, а длинные, страшные, но непременно с хорошим концом. Воображение у нее было такое, что из оброненной батраком фразы вроде «ох и славна трава по ту сторону оврага, вот кабы коровы летать умели» девочка могла с лету сочинить историю, где и коровы летали, и кошки доились, и прекрасный воин, потрясая волшебной кочергой, мчался по облакам на верном скакуне навстречу треххвостой жабоптице.

Вначале Рыскиными слушателями были Жар, Фесся да дедок, потом к ним постепенно присоединились доярки, а за ними и батраки. Даже скептический, вечно хмурый Цыка один раз остановился в дверях, послушал, хмыкнул: «Вот уж врушка искусная!», но задержался у косяка, пока сказка не окончилась. А как все хохотали, когда дверь ударила по лбу подслу-

пивающему Пасилке! Тот, правда, вопил, что случайно проходил мимо и вообще «все папе расскажет», однако позориться перед Сурком не стал.

Вечера тем временем становились все длиннее, темнее и холоднее. В преддверии урожая Сурок взял двух новых работников, благо по дороге мимо хутора нескончаемой чередой тянулись разоренные засухой пахари. Все они надеялись найти работу в городе, однако с готовностью брались за что угодно, нанимаясь за бесценок, а то и вовсе за еду. Попадались и лихие люди, но от крупных шаек Богиня пока миловала, а с тремя-четырьмя удавалось справиться своими силами. Про банду из Ледышкина яра больше не слышали – то ли откочевала куда, то ли развалилась, а может, попыталась заглотнуть кусок не по горлу и пала под клинками путников.

После одной из шумных осенних свадеб голова Приболотья завернул к Сурку на кружку пивка – судя по тому, что прижимистый хуторянин сам его пригласил, кружка была далеко не первой.

– Таки влепит нам тсарь год Крысы, – уныло сообщил голова, глядя, как Фесся управляет с большим запотевшим кувшином.

– После Пустополья же объявляют, – лениво возразил Сурок.

– Да и так все ясно. – Мужик осторожно пригубил. Пиво у богатого соседа было не чета свадебному: крепкое, душистое, даже пена вкусная. – Ты сколько снопов с рядка снял? Три? Брешешь, на общинном и то по два с половиной было! А в Калинах и четверти не вышло. Это на нижней пашне, где даже гнилое зерно всходило! А на верхнюю жнецов вовсе не засылали – незачем.

– Ну мало ли... Ринтар-то большой, на севере, может, и уродило, – без особой уверенности предположил хуторянин.

– Зато на юге подчистую выгорело. Не-е-ет, кум, не отвертимся. – Голова подпер щеку ладонью и пьяненько шмыгнул носом. – С урожайных земель – двойной налог, с пустых – половинный. И весь наш доход – в тсарскую казну...

– А ты будто так про два с половиной наместнику и отписал? – хмыкнул Сурок.

– Тьфу на тебя! Ну поставил чуть побольше, чем у соседей... Если донесут, отбрешусь: мол, удалась полоска с краю, а прохожие и обзавидовались.

– Так чего тогда ноешь? – Хуторянин зажевал пиво свежей колбаской, голова тоже потянулся к блюду. Шутка ли – первый год Крысы за десять лет! Последний случился, когда проклятые савряне пожгли вески и потравили поля к востоку от столицы и зимой от голода перемерло больше народу, чем в битвах.

– Ну мало ли... Боязно. Как пить дать, – голова отхлебнул, – болезни по весне начнутся. А мы у самых болот, тут вся дрянь по реке приходит да оседает.

– Боязно, боязно... Вот когда начнется, тогда и будешь плакаться.

– А в прошлый раз, помнишь? К берегам подходить боялись, трупы в камышах качало!

– Сравнил послевоенщину с простой засухой!

Но подвыпившему голове так хотелось одержать верх в споре, что он бездумно ляпнул:

– А с чего ты взял, что в этот раз без войны обойдется?

Сурок аж поперхнулся.

– Ты что, друг, ошалел? – выдохнул он, едва откашлявшись. – С кем нам воевать-то?

Рыска с Жаром, затаив дыхание, подслушивали у приоткрытой двери; Фесся уже один раз об них споткнулась и шепотом обругала.

– Да все с ней, с Саврией! У них-то нынче тоже неурожай. Народ голодный, злой, а мирный договор как раз этой зимой истекает.

– Продлят! Что они, дураки – в год Крысы воевать? А обозы как снаряжать? Корой да шишками? – все больше распалялся и багровел хуторчанин. – И на кой мы им сдались, такие же нищие? Победят – еще и нас кормить придется!

– Тю, кормить... Вырежут под корень – и вся недолга! – Голова выразительно чиркнул ладонью по горлу.

– Тьфу на тебя! – Сурок решительно переставил кувшин на свою сторону стола. – Кажись, хватит тебе подливать, несешь уже абы что.

Угроза была куда страшней какой-то там войны, и голова мигом перевел разговор на вдову Митрону, к которой, кажись, кто-то в последнее время шастает, ишь расцвела...

Рыска же сидела, еле дыша и судорожно стискивая руку друга. Савряне представлялись девочке чудищами страшнее сказочных жабоптиц – тех хоть убить можно или вообще в тсаревичей переколдовать. А с саврянским нашествием вся тсарская рать ничего поделать не смогла, до самой столицы дошли, гады. Еле их отбросить сумели и обратно в логово загнать. Теперь вот перемирие, но до сих пор мало кто может глянуть в Рыскины глаза и не вздрогнуть.

Так Рыска и выросла с уверенностью, что есть люди, а есть савряне. Хотя однажды видела саврянскую семью, проезжавшую через веску на ярмарку: отец, мать и двое детей. Они с любопытством осматривались по сторонам, смеялись, разговаривали, будто у себя дома. Напились из колодца, к венцу которого, по рассказам стариков, в войну прибили копьем тогдашнего голову, и он умирал на нем несколько лучин. Вон щербина в бревне до сих пор видна... Чуждые острые черты лица, желтые глаза, непонятная речь с гортанным акцентом, бесцветные, непотребно длинные волосы – такие, говорят, отрастают у покойников в гробах. Брр, какие уроды! Мужчина заметил Рыску, нахмурился и что-то сказал жене. Саврянка тоже уставилась на девочку, и та, не выдержав, задала стрекача. Как лавочник может продавать им пироги с черникой? Зачем баба Шула указала им дорогу до города, а не в топь? Почему тсарь вообще пускает их на ринтарскую землю?!

На выезде из вески мальчишки закидали телегу паданками, и Рыска единственный раз в жизни присоединилась к свистящей и улюлюкающей своре. Потом, конечно, всем от родителей влетело, но как-то неубедительно.

А если савряне заявятся сюда не гостями, а врагами...

– Ну пойдем же! – Жар дернул Рыску за рукав – похоже, не в первый раз.

– Куда? – опомнилась девочка.

– Со стога кататься!

– Ой! – Война и савряне мигом вылетели у Рыски из головы. Друг подбивал ее на ночную вылазку уже три дня, но робкая девочка все мялась и отнекивалась. – А ты уверен, что нас не заругают?

– Пусть вначале поймают, – бесшабашно отмахнулся Жар. Рыска, напротив, надулась и попыталась высвободиться, но мальчишка уверенно добавил: – Да ну, это ж общинный. Даже если разворошим немножко, через недельку-другую все равно по домам растащат, загнить не успеет.

– Чего вы тут засели, как кошки под воронятней? – не выдержала Фесся, снова чуть не треснув Рыску дверью по лбу. – Подите лучше пол помойте, если делать нечего!

– Да он небось чистый еще! – Жара с порога словно ветром сдуло.

– Теть Фессь, мы погуляем немножко! – только и успела пискнуть уволакиваемая им Рыска.

– Куда вас на ночь глядя поне... – Служанка устало махнула рукой: в кухне уже никого не было.

* * *

На улице стояла зябкая осенняя темень: солнце спряталось – словно на лучину дунули, ни тепла, ни света. Днем дети еще бегали в рубахах, а теперь Рыска куталась в слишком большую для нее овечью безрукавку и все равно стучала зубами.

– А может, не надо? – безнадежно ныла она, семена за другом, как приبلудный цуцик.

– Не трясись, уже почти пришли. – Жару было тепло от одного предвкушения шалости. – Вот увидишь, тебе понравится!

Общинное поле начиналось сразу за молельней. По закону десятина вескового урожая шла в тсарские закрома, но с ее отсчетом вечно возникали проблемы. «Да что ты, родненький, какие семь мешков – четыре, и то один неполный!» – клялась ушлая вдовица, глядя на голову большими честными глазами и призывая в свидетели Хольгу (хотя следовало бы Сашия, покровителя вралей). «Не... – гнусавил более совестливый кузнец, изучая носки лаптей. – Не сажали мы репу. Сын грыз? Так то тесть лукошко привез...» В конце концов, чтобы не ругаться, решили распахать для тсаря отдельное поле за весковой оградой, а работать в нем по очереди. Ругались, конечно, все равно – один до ночи, не разгибаясь, полол, а другой тупнул с краешку тяпкой, вздремнул в борозде и с обеда удрал, – но разбирать споры стало куда проще. Тут-то все на виду, соседи ревниво бдят, зная, что через неделю их очередь.

В этом году на общинном поле, по уговору с окружным главой, сажали ячмень. Вырос он так себе, пополам с бурьяном, но для года Крысы сойдет. Зато соломы с него вышло! Длинный высоченный стог, похожий на лежащую хрюшку: с одной стороны плавный подъем «рыла», с другой почти отвесный «зад». Солома тсаря не интересовала, но ее надлежало хранить до приезда сборщика налогов: мало ли, вдруг ближе к столице не найдут, чем в тсарские коровниках подстилать? А потом уж по тючку, по возку разбирали кому надо.

– А если нас весковые поймают?

– Хо! Этих сопляков давно мамки по домам разогнали. – Жар задрал голову, прикидывая, как ловчее взобраться по душистому, шуршащему, рыхлому склону.

Рыска поежилась. Она бы совсем не возражала, если бы их тоже кто-нибудь разогнал – до того, как друг успеет что-нибудь натворить. Но, как Жар и предсказывал, за стогом приглядывали только луна да красный глазок тлеющего в молельне светца.

Над соломенной горбиной беззвучно пролетела сова, видать дневавшая на чьем-то чердаке, а с темнотой отправившаяся на охоту. И волки, наверное, уже из нор вышли...

– Жа-а-ар!

– Лезь сюда! – пропыхтел мальчишка, делая последний, победный рывок.

Свежая, не успевшая слежаться солома расползалась под ногами, как зыбучий песок, почти не давая опоры. Жар полежал немножко на макушке стога, отдыхая и с ехидцей наблюдая за Рыскиными попытками покорить вершину. Более легкую девочку солома держала лучше, но силенок у нее было поменьше, и другу пришлось в конце концов подать ей руку.

– Ну, как тебе? – гордо спросил он, выпрямляясь во весь рост.

Рыска поглядела вниз и, напротив, поскорей села.

– Высоченный-то какой...

– А ты не смотри, – посоветовал Жар. – Ты катайся!

И коварно толкнул ее в спину.

Девочка с визгом заскользила вниз по «рылу», распахивая солому. Внутри та оказалась теплой и пыльной, щекочущейся до одури, а внизу от стога вообще откололся кусок, и еще несколько шагов Рыска ехала по стерне на нем, как на быстро истончающейся подушке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.